

Елена Львовна БЕРЕЗОВИЧ

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: berezovich@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

***Русские фараоны:* память прецедентного текста и внетекстовая культурная история в судьбе имени**

Аннотация

В статье рассматривается русское коллективное прозвище *фараоны* (39 наименований в разных регионах). $\frac{3}{4}$ от общего количества прозвищ носят представители территориальных коллективов, а десять антропонимов — это имена групп, объединенных по социальному признаку. В семантико-мотивационном пространстве, стоящем за прозвищами, выявляются следующие мотивы и смысловые компоненты: «Водная стихия: море, река, озеро; затопление → водные демоны»; «Иностранцы, мифические чужаки»; «Колдовство»; «Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание»; «Полицейские, военные ← преследователи, гонители»; «Богатство, зажиточность → “барство”, лень»; «Связь со стекольным производством»; «Повозка (колесница)»; «Специфический головной убор»; «Карточная игра»; «Общая негативная оценка». Эти мотивы отсылают к прецедентному тексту — Ветхому Завету (преследование фараоном Исхода и его воинством — фараонитами — евреев, потопление фараона и фараонитов), а также к эпизодам и деталям внетекстовой культурной истории, связанной с Древним Египтом. Так, проживание ряда коллективов, названных *фараонами*, в затопляемых поймах водоемов становится мотивом для прецедентной номинации (жители «тонут» весной, подобно фараонитам); работа некоторых *фараонов* на стекольных заводах отсылает к факту культурной истории — появлению в Египте древнейшего стекольного производства. При этом ветхозаветные аллюзии наиболее значимы, и сюжет потопления явно стал пружиной, «раскрутившей» возникновение прозвищных *фараонов*. Интересно, что география «фараонских» прозвищ соотносима с местами наиболее активного расселения русских старообрядцев, особенно беспоповцев, и в частности поморцев. Эта культура характеризовалась высоким уровнем богослужебной грамотности, большей сохранностью библейских сюжетов в силу общего религиозного консерватизма, а значит, хорошим знакомством с Ветхим Заветом (важно и то, что фараон считался ипостасью Антихриста, а учение о нем занимает центральное место во взглядах беспоповцев). Таким образом, старообрядцы могли быть наиболее активными субъектами номинации, инициировавшими или поддерживавшими описываемую номинативную традицию.

© Березович Е. Л., 2026

Ключевые слова

антропонимия; коллективные прозвища; прецедентные имена; семантико-мотивационная реконструкция; этимология; русская диалектная лексика; русское старообрядчество

Благодарности

Исследовательская работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Автор выражает благодарность Т. В. Авилину, Л. П. Батыревой, Е. М. Главацкой, Н. Н. Казанскому, И. Б. Качинской, П. И. Мангилеву, М. Б. Печкину, И. В. Починской, С. А. Белобородову, Н. А. Шляхтер, которые оказали помощь своими консультациями.

Для цитирования

Березович Е. Л. *Русские фараоны: память прецедентного текста и внетекстовая культурная история в судьбе имени* // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 29–73. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.002

Рукопись поступила в редакцию 27.09.2025

Рукопись принята к печати 14.12.2025

Elena Lvovna BEREZOVICH

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: berezovich@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

Russian Pharaohs: The Memory of a Precedent Text and Extra-Textual Cultural History in the Fate of a Name

Abstract

This article explores the Russian collective nickname *faraony* ‘pharaohs’ (39 recorded designations across different regions). Approximately three quarters of these nicknames refer to territorial communities, while ten anthroponyms denote groups united by a social characteristic. An analysis of the underlying semantic and motivational framework reveals the following recurring motifs and meaning components: “The water element (sea, river, lake); flooding → water demons”; “Foreigners, mythical outsiders”; “Witchcraft”; “A vaguely remote past → eradication, extinction”; “Police, military ← pursuers, persecutors”; “Wealth, affluence → ‘gentry-like’ behaviour, idleness”; “Association with glass production”; “Vehicle (chariot)”; “Distinctive headgear”; “Card game”; and “General negative evaluation”. These motifs point to a precedent text — the Old Testament (the Pharaoh of the Exodus pursuing the Israelites with his army — the pharaonites — and their subsequent drowning), as well as to episodes and details from the broader cultural history associated

with Ancient Egypt. For instance, the residence of certain groups labelled *pharaohs* in flood-prone river plains provides a basis for precedent-based naming (the inhabitants “drown” in spring, like the pharaonites); likewise, the employment of some *pharaohs* in glassworks alludes to a well-known historical fact — the emergence of early glass production in Egypt. Old Testament allusions, however, appear to be the most significant, with the motif of drowning clearly acting as the primary impetus behind the emergence of the nickname. It is also noteworthy that the geographical distribution of these “pharaonic” nicknames correlates with areas of particularly active settlement by Russian Old Believers, especially the *bezpopovtsy*, and — in particular — the Pomors. This cultural milieu was characterised by a high level of liturgical literacy and a relatively strong preservation of biblical narratives, owing to its broader religious conservatism, and thus by a close familiarity with the Old Testament. It is also relevant that Pharaoh was regarded as a hypostasis of the Antichrist, the latter being the central figure of a doctrine that occupies an important place in the beliefs of the *bezpopovtsy*. In this light, Old Believers may have been especially active agents in the process of naming, initiating or sustaining the naming tradition described.

Keywords

anthroponymy; collective nicknames; precedent names; semantic and motivational reconstruction; etymology; Russian dialect vocabulary; Russian Old Believers

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (No. 23-18-00439), “Onomasticon and the Linguocultural History of European Russia” (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00439>).

The author expresses sincere gratitude to T. V. Avilin, L. P. Batyreva, E. M. Glavatskaya, N. N. Kazansky, I. B. Kachinskaya, P. I. Mangilev, M. B. Pechkin, I. V. Pochinskaya, S. A. Beloborodov, and N. A. Shlyakhter for their valuable advice and consultations.

For citation

Berezovich, E. L. (2026). *Russian Pharaohs: The Memory of a Precedent Text and Extra-Textual Cultural History in the Fate of a Name*. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 29–73. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.002

Received on 27 September 2025

Accepted on 14 December 2025

[Красавина] Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

А. Н. Островский,
Праздничный сон до обеда

И. К. Айвазовский. Переход евреев через Красное море.
1891. Холст, масло. Частное собрание, США

В центре нашего внимания — русское прозвищное имя *фараоны*, которое встречается в антропонимиконах разных областей страны и функционирует в народной традиции главным образом как коллективное прозвище, называющее объединения людей по территориальному признаку, реже — по социальному (роду занятий). Индивидуальное прозвище *фараон* тоже фиксируется, но в народной (в первую очередь крестьянской) антропонимии оно раритетно (ниже будет приведена статистика и предложены объяснения этому факту). Имя *фараоны* в антропонимиконах разных территорий (прежде всего Русского Севера) привлекало к себе внимание лингвистов и этнографов. Ясно, что его следует связывать с обозначением правителей Древнего Египта (хотя в [Шилов 2008: 26] предлагается иной этимон, см. ниже), но какова семантическая мотивация? Если перед нами номинация по признаку богатства и/или власти (а это, кажется, единственное объяснение, актуальное для синхронного языкового сознания), то почему *фараонами* называют именно группу людей? Иначе ведут себя, к примеру, *царь* и *король* — явные символы

богатства и власти. Эти слова часто ложатся в основу индивидуальных прозвищ, но реже, чем *фараоны*, образуют коллективные прозвища (по данным самого полного собрания русских коллективных прозвищ [Воронцова 2011], соотношение указанных имен таково: *фараоны* — 16 фиксаций, *короли* — 5 фиксаций, *цари* — 3 фиксации). Из этого следует, что синхронно определяемая производящая семантика здесь явно не подходит — и надо обращаться к диахронии. Вот сводный перечень тех работ, где с той или иной степенью подробности приводится мотивационная интерпретация некоторых прозвищных *фараонов* (а не просто констатируется факт их существования): [Белов 2015; Белова 2004: 292; Вальтер, Мокиенко 2005: 62; Воронцова 2002: 253–254; Кучко 2021: 142–143; Михайлова 2004: 195; Мызников 2019: 837; Черепанова 1983: 96; Шилов 2008: 26]. В качестве источника ономастической номинации может указываться *фараон* во вторичных значениях ‘полицейский’, ‘фантастическое существо’, хотя характер связи и в этих случаях не представляется окончательно ясным: «Образ фараонов — один из самых загадочных в русской народной культуре. Генетически он связан с образами египетских фараонов, однако существенно трансформировался в русском языке, мифологии. <...> Трудно определить конкретные обстоятельства появления этих прозвищ, можно лишь отметить негативную коннотацию, а также сему “чуждости”» [Вальтер, Мокиенко 2005: 62]. Авторы некоторых исследований предлагают дополнительные интересные мотивирующие ходы [см. особенно: Белов 2015; Кучко 2021], о них далее будет рассказано подробно.

Итак, имеется «темная» группа слов, которая ставит перед нами не только вопрос мотивационной реконструкции, но и проблему из разряда *Wörter und Sachen*, подходы к которой можно обозначить так. Образ фараона формировался с опорой как на реальную историю, так и прецедентные тексты, которые (и история, и тексты) должны рассматриваться через призму реципиентного культурно-языкового сознания. «Фараонских» текстов много, но для русской традиции (а также других традиций, связанных с христианством) ни один не сравнится по силе своего влияния с Ветхим Заветом. Если фараон как знак реальной истории, понимаемой семиотически, — имя нарицательное, то в ветхозаветном тексте перед нами по сути имя собственное, поскольку наибольшей известностью в Писании пользуется так называемый фараон Исхода (Исх. 4–14), противник Бога евреев, препятствовавший их уходу во главе с Моисеем в Землю обетованную (подробнее о библейской символике персонажа см. [СБО: 1268–1269]).

Образ фараона — сложнейший конгломерат мотивов разного происхождения, преобразованных принимающей традицией, пропущенных через

многие промежуточные фильтры, особенно если учесть, что речь идет о многовековой и преимущественно устной традиции. В любом факте «фараонской» вторичной номинации, присутствующем в русском языке, может отразиться грань или несколько граней этого образа. Реконструировать его с возможной полнотой — задача целой монографии¹, а в настоящей статье ставится задача выявить пласт мотивов, релевантный для «фараонских» прозвищ, функционирующих в русской традиции. Предпринята попытка максимально расширить анализируемый материал, собрав прозвища из неопубликованных и малоизвестных источников, в том числе из краеведческой литературы крайне узкого «диапазона хождения». Расширение материала более чем вдвое (по сравнению со словарем Ю. Б. Воронцовой) изменило картину, которая была перед исследователями ранее (поскольку они чаще всего работали с одним-тремя фактами из конкретного региона).

Удалось найти 39 прозвищ: 29 (¾) из них носят представители территориальных коллективов (жители деревень и маленьких городов, но города в абсолютном меньшинстве — их только два), а десять антропонимов — имена групп, объединенных по социальному признаку (рабочие стекольного и винного заводов, продавцы шляп, юнкера). Мы сочли возможным объединить имена представителей территориальных и социальных коллективов, поскольку они реализуют сходные номинативные модели. Разумеется, мы далеки от мысли о том, что антропонимический материал собран с абсолютной полнотой; об относительной (удовлетворительной) полноте говорит то обстоятельство, что семантико-мотивационное пространство, стоящее за собранными именами, обнаруживает конструктивные закономерности, позволяющие думать, что вновь найденные факты могли бы скорректировать частности, но не изменить картину принципиально.

Сначала приведем прозвищные данные, сгруппированные по областям, где они зафиксированы.

Русские коллективные прозвища от основы *фараон-*

Архангельская область

▪ *фараоны, фараоны борисовские* ‘жители д. Борисовская, Вельский р-н’: «Они нас “галки долматовские” да “галки долматовские”, а мы их — “фараоны

¹ Могут быть рассмотрены многие дополнительные факты, которые остаются за пределами нашего исследования, ср., к примеру, информацию, вытекающую из таких устойчивых сочетаний (встречающихся во фразеологических словарях, а также словарях по терминологии флоры и фауны), как *фараонова поза, фараонова осанка, фараононы (тощие) коровы, фараонова мышь (крыса), фараонова змея, курица фараона* и т. п.

борисовские». <...> <Почему фараоны?> Я не знаю, это где-то во время войны ведь были какие-то... раньше были фараоны какие-то. Воевали дак, называли фараонами. У них ребят много было, а у нас ребят мало было, у нас девчонки все в Долматово. А у них ребята. Вот они к нам приходили на вечёрки» [Стрельцова и др. 2016: 49];

▪ *фараоны* ‘жители д. Чуудиново, Верхнетоемский р-н’: «А у Чуудиново фараоны. Пошто Володьку зовут фараоном? — он из Чуудиново» [КАОС] (ср. *кержаки* ‘жители дд. Романов Остров и Тужиково, находящихся неподалеку’ [Засухинпоздеев 2015]);

▪ *фараоны* ‘жители куста деревень Тордокса, Коношский р-н’: «Скупые, подозрительные, как фараоны» [АКТЭ; Воронцова 2011: 342];

▪ *фараоны (трубочисты, чернотропы)* ‘жители д. Кимжа, Мезенский р-н’: «Тёмные они», «Каки-то ненормальные были — потому фараоны, чернотропы» [АКТЭ; Воронцова 2011: 342];

▪ *фараоны* ‘жители д. Нименьга, Онежский р-н’: «Нименьжана — фараоны. Нименьжана раньше заселились, все удобные участки принадлежали им», «В Нименьге жили фараоны. Одевались по-французски, ездили в Норвегию, обратно привозили заморские вещи» [АКТЭ];

▪ *фараоны (водохлёбы)* ‘жители д. Кеврола, Пинежский р-н’: «Один из них в армии и в полиции служил» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];

▪ *фараоны (понюжалочники)* ‘жители д. Красная Гора, г. Северодвинск’: «Наверно, с понюжальками <кнутами> ездили, почту возили» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];

▪ *хоровоны* ‘жители д. Белоусово, Устьянский р-н’ [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];

▪ *фараоны* ‘жители д. Наволок, Устьянский р-н’: «Народ зырь прозывается в Кузнецове, а в Наволоке — фараоны» (ср. *зырь* ‘жители соседней д. Кузнецово’) [АКТЭ; Воронцова 2011: 343]; «Всё братаны двоюродные — и друг на друга крысились, фараонами их звали» [КАОС];

▪ *фараоны* ‘жители д. Остановская, Устьянский р-н’ [АКТЭ].

Владимирская область

▪ *фараоны* ‘стекольные мастера в поселении при Анопинском заводе, Судогодский у. (ныне р-н)’ [Белов 2015: 96];

▪ *фараоны* ‘стекольные мастера завода купцов Голубевых, г. Судогда’ [Там же].

Об этих прозвищах сообщил краевед Л. П. Белов; к ним относятся те же его мотивационные комментарии, что и к прозвищу *мишеронские фараоны* (см. ниже рубрику **Московская область**).

Вологодская область

- *фараоны* ‘жители Грушинского с/с, Бабушкинский р-н’: «Богатые были», «Из Фараонии приехал <кто-то из них>» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];
- *фараоны* ‘жители пос. Кузино, Великоустюгский р-н’ [АКТЭ];
- *фараоны* ‘жители д. Нижняя, Вожегодский р-н’: «Приезжие из Средиземного моря» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343]; «От карточной игры» [Власова 2015: 340];
- *фараоны* ‘жители с. Лоха, Никольский р-н’ [АКТЭ];
- *фараоны, фараоны-тюфяки* ‘жители д. Наволок, Усть-Кубинский р-н’: «Мы им <жителям д. Наволок> кричим: “Фараоны-тюфяки!”. А они нам: “Орешки!”» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343].

Ивановская область

- *фараоны, фараонцы* ‘жители с. Холуй, Вязниковский у. Владимирской губ. (ныне Южский р-н Ивановской обл.)’: «... все жители слободы Холуя, Вязниковского уезда, носят интересное прозвище “фараонцы” или просто “фараоны”, но, к сожалению, причины этого прозвища я не мог выяснить. Прозвищем этим холуйцы весьма недовольны, и назвать их этим именем считается за величайшее оскорбление» [Завойко 1914: 102]².

В современных интернет-источниках есть много публикаций о *фараонах* Холуя: это известное село, знаменитое своей лаковой миниатюрой. Еще одна отличительная черта Холуя, куда более прозаичная, состоит в том, что село находится в пойме р. Теза, где бурные половодья, во время которых часть села оказывается в зоне затопления. Основные объяснения названия учитывают эти детали: «Легенда первая: все пошло из-за большой схожести ивановского Холуя с Древним Египтом. Вернее, Тезы с Нилом. И та, и другая река разливается, затопляя все вокруг. <...> Другая версия происхождения названия — род деятельности холуян. Вернее, неумение делать что-либо еще. Во многих источниках XIX века говорится: холуяне ни запрячь лошадь не умеют, ни вспахать, и вообще с утра до ночи только иконы пишут. Барствуют вместо того, чтобы заняться нормальным трудом. Поэтому к ним на разные работы ездили наниматься простые, не “творческие” мужики. Вот и получились фараоны и рабсила» [Церетели 2014]. Ясно, что этот текст содержит «осовремененные» мотивировки.

Нам удалось найти очень редкий документ — заметку крестьянина И. Сивкова, опубликованную во «Владимирских губернских ведомостях» в 1874 г. В ней дается иное мотивационное прочтение прозвища, содержащее аллюзию

²Здесь и далее в цитатах сохраняется авторская пунктуация и орфография.

к ветхозаветному прецеденту. Поскольку источник этот не был, кажется, известен лингвистам и этнографам, процитируем обширный фрагмент: «Соседи или жители окрестных сел зовут холуян *фараонами*. <...> Село Введенское, существовавшее в XVII столетии в двух верстах от нынешней слободы Холуя, на крутом берегу Тезы, было разгромлено польскими панами, которые в то время наводнили землю русскую: тогда жители села Введенского после страшного погрома вздумали перенести свое жительство на другое место; <...> решили построить село <...> на горе, перешед болото, на котором основан Холуй. Этому воспротивились рыболовы Халуй³ Седень <...> и четверо его товарищей. Когда все крестьяне села Введенского под предводительством старика Мосея отправились на новое место со всем своим скарбом, а Халуй Седень с товарищами построили свои хижины на берегу реки Тезы, тогда старик Мосей сказал Халую Седню, что мысль его о поселении крестьян на берегах Тезы не осуществится и во время разлива реки они потонут, как потонули древние фараоны» [Сивков 1874: 5].

Это предание замечательно развернутой отсылкой к ветхозаветному тексту о Моисее, который вел свой народ в Землю обетованную, будучи преследуем войском фараона, потонувшим в море. Сюжет хорошо «замаскирован» и может быть не опознан наивным сознанием, но ключевые субъектные позиции исходного сценария в реципиентном тексте заняты именами собственными, которые дают недвусмысленную связь с прецедентом, — личным именем *Мосей* и прозвищем *фараоны*. Если прозвище существует и вне предания, то имя *Мосей* — только в нем, что заставляет думать о его «наведенности» текстом. Это повышает его символичность, «легендарность». Указание на *Мосея* присутствует, кажется, только в этом старом тексте, который сейчас не обладает известностью, в то время как прозвище *фараоны* используется активно и дает в говоре Холуя и его окрестностей интересную деривацию: *Фара́бня* ‘с. Холуй’ [АЛПБ], *фара́нка* ‘лодка, на которой плавают жители Холуя’ (поскольку хозяева — мастера знаменитой лаковой миниатюры, лодки нередко бывают расписными), *фараон* ‘тот, кто случайно окунулся в реку, зачерпнул воду в сапоги в половодье’, *офара́бниться* ‘случайно окунуться в реку, зачерпнуть воду в сапоги в половодье’ [ХЗФР]. Глагол *офара́бниться* существует также в значении ‘освоиться, прижиться в Холуе’ [АЛПБ]; возможно и шутивное сочетание указанных значений: «Один из нас <...> поскользнулся и съехал с берега в воду, примерно по плечи, мы его быстренько подхватили и на берег выволокли. <...> тетя Лида говорила на этот счет, что он офараонился и что

³ По этому имени, согласно легенде, слобода получила название *Холуй*. В тексте заметки название села пишется через *о*, а омофоничное имя крестьянина — через *а*.

теперь навсегда останется в Холуе. Так оно и вышло» [ХЗФР]; иначе говоря, *офараониться* — ‘получить «символическое крещение» в Холуе, случайно окунувшись в реку’.

Кировская область

- *фараоны* ‘жители д. Герасимово, Яранский р-н’: «Эту деревню еще называли Фараоны, так как многие жители, высокие очень, служили в гренадерских войсках» [Толстогузова 2016].

Костромская область

- *фараоны, фараоны-надбóжники, ферапоны-надбóжники* ‘жители Куриловского с/с, Буйский р-н’ [АКТЭ; Воронцова 2011: 343–344]. Важно отметить, что церковный приход в этом кусте деревень был связан с храмом св. Ферапонта Монзенского в с. Ферапонт, что и послужило стимулом для аттракции и дальнейшего переосмысления прозвания жителей: *ферапоны* ↔ *фараоны*;

- *фараоны* ‘жители Рыбной Слободы, г. Галич’: «У самого озера жили. Давно поселились там. Рыбу ловили, на земле меньше работали. Себе на уме они, фараоны», «Говорят, среди фараонов этих колдуны были» [АКТЭ]. Это прозвище было известно фольклористу и этнографу Н. Н. Виноградову, который в 1915 г. издал книгу об условном языке «галивонских алеманов» (разновидности офенского, бытовавшей в Галиче). Трудности сбора сведений об этом языке Виноградов отчасти связал с замкнутым образом жизни и нелюдимостью его носителей (среди которых были и *фараоны*): «С того времени ничего нового, сколько-нибудь полного и определенного, об условном языке галичан не появилось. Это зависело, с одной стороны, от трудностей добывания сведений от жителей Рыбной Слободы г. Галича — “фараонов”, как их обыкновенно называют, действительно по природе своей чрезвычайно нелюдимых и недоверчивых» [Виноградов 1915: 7];

- *фараоны* ‘жители д. Тренино, Кадынский р-н’ [АКТЭ];

- *фараоны* ‘жители дд. Федорково и Высоково, Красносельский р-н’: «Дрались по деревням. Вот представьте себе: левая сторона, Высоково, Федорково, — фараоны. Почему они фараоны? До сих пор фараоны. Туда не пойдешь — изуродуют, сюда приедут — здесь будут драки» [Новиков 2020: 13];

- *фаравоны, фараоны, вавиловские фараоны* ‘жители д. Вавилово, Межевской р-н’: «В Вавилове были фараоны, все были богатенькие. И лошадку имели, и право голоса было у них сильнее вроде как», «Считались слишком умными, вот и назвали их фараоны», «Вавиловские фаравоны — оне растягают, ровно как не наши, у них разговор не наш, как-то оне вытягивают»; «Фараоны какие-то были за рекой, да вывелись, передохли» [АКТЭ];

▪ *фараоны (луковники, лукопёры)* ‘жители с. Унжа, Макарьевский р-н’: «Макаряты <жители г. Макарьев> зовут унжаков фараонами, гонителями, что они будто бы оскорбляли преп. Макария и насмехались над ним» [Беляев 1907: 17]; «Коренные местные жители, поколениями живущие в Унже, с гордостью называют себя “фараонами”. Говорят, что такое прозвище им дал сам Макарий Унженский. Жители Унжи не желали появления рядом монастыря (это повлекло бы за собой новые подати и приток населения) и изгнали Макария. Тогда-то он в сердцах и назвал их “фараонами”» [Новиков 2020: 13]; «Фараоны жили на реке, как в Фараонии. Там какая река-то? Да, Нил», «В Унже фараоны живут — мы так зовем. Фараоны, потому что обеспеченные», «Мы их <жителей с. Унжа> называем фараоны, потому что они возникли раньше нас», «В Унже луковники, фараоны. Они всю жизнь выращивали лук и отправляли его даже в Египет», «Луковники, потому что они лук продавали, а фараоны, потому что зажиточные люди» [АКТЭ].

Московская область

▪ *мишеронские фараоны, фараоны* ‘семьи потомственных стеклоделов пос. Мишеронь, Покровский у. Владимирской губ. (ныне г. Мишеронский, Шатурский р-н Московской обл.)’: «Представителей семей потомственных стеклоделов в Мишеронском традиционно называли “фараонами”, причем данное прозвище бытовало еще в 50-е гг. XX в. <...> “Мишеронские фараоны” — прозвище, отличающее мишеронцев от жителей окружающих поселок населенных пунктов (например, г. Рошаль)» [Белов 2015: 96]. На этой же территории были распространены прозвища *кулугуры*⁴, *калганники*, называющие староверов, которых здесь было много, в том числе среди рабочих стекольных заводов [Там же].

Краевед Л. П. Белов предлагает несколько версий мотивации прозвища *фараоны*. Первая версия — «водная». Мишеронские стеклодувы пили много чая, а стекольные заводы стояли на реках (иногда в очень низменных местах); при этом особо почитали воду старообрядцы, работавшие на заводах. Связь с водой обнаруживает и легенда о потоплении войска фараона в море и превращении его в лягушек. Согласно второй версии, *фараонами* называли людей, занимавшихся художественными промыслами — росписью, резьбой (ср. аналогичное название русалочьих изображений на деревянных украшениях домов). По третьей версии, которую автор считает наиболее правдоподобной, *фараоны* — зажиточные чужаки, не занимающиеся сельским хозяйством, что ощутимо на фоне соседних крестьянских хозяйств: «...крестьяне считали, что

⁴Ср. симб., курск., пенз., сарат. *кулугур* ‘старовер’ [СРНГ 16: 71].

стеклянные мастера слишком хорошо живут, работают определенное число часов в день и после работы могут отдохнуть, получают заработную плату, имеют крышу над головой и приусадебный участок от заводчика, а крестьяне только работают с утра до ночи без выходных» [Белов 2015: 97]. Обособленность *фараонов* подчеркивается и тем, что многие из них — старообрядцы. Наконец, стеклодувов переманивали с завода на завод, они обладали большей, чем крестьяне, мобильностью — тем самым они напоминали цыган, традиционно называвшихся *фараоновым племенем* [Там же: 97–98];

▪ *фараоны* ‘шляпники (в Москве?)’ [Чичагов 1959: 6; Епишкин 2010: *фараон*]. В. К. Чичагов дает скупое указание «прозвище шапочников» и относит прозвище к разряду профессиональных, не приводя ни источника, ни географии. Н. И. Епишкин привязывает «шляпных» фараонов к Москве, ссылаясь на книгу Е. Иванова «Карусели и прочие монстры» (1928): «Шляпники или шляпочники в Москве назывались фараонами за фантастический головной убор, состоящий из надетых одна в другую шляп или шляпок» [Епишкин 2010: *фараон*]. Возможно, прозвание было распространено шире, но у нас пока нет возможности это проверить;

▪ *фараоны* ‘юнкер. насм. первокурсники Александровского военного училища в Москве’ [Анищенко 2007: 284]: «С трудом, очень медленно и невесело осваивается Александров с укладом новой училищной жизни, и это чувство стеснительной неловкости долгое время разделяют с ними все первокурсники, именуемые на юнкерском языке “фараонами”, в отличие от юнкеров старшего курса, которые хотя и преждевременно, но гордо зовут себя “господами обер-офицерами”. В кличке “фараон”, правда, звучит нечто пренебрежительное, но она не обижает уже благодаря одной своей нелепости. <...> – Почему же я фараон? — спрашивает Александров. Тот отвечает: – Потому же, почему я обер-офицер. Разница между первым и вторым курсом. <...> Пусть, в память старины, фараоны так и остаются фараонами. Не нами это название придумано, а нашими прославленными предками, из которых многие легли на поле брани за веру, царя и отечество» <А. И. Куприн>⁵. Нам удалось найти еще контекст, принадлежащий Б. К. Зайцеву: «Мы, вновь прибывшие <в юнкерское училище>, называемся “фараонами”. Нас надо обломать, хоть сколько-нибудь привести в военный вид, и только тогда пустить в отпуск» <Б. К. Зайцев>.

Оба больших писателя пишут о собственном опыте учебы в Александровском училище (у Куприна — 1887–1890; у Зайцева — 1916–1917). Сведений об аналогичных наименованиях в других юнкерских училищах у нас

⁵Здесь и далее цитаты из художественной литературы и публицистики даются по [НКРЯ].

нет, потому решено согласиться с предложенной в словаре О. А. Анищенко квалификацией данного имени как прозвища.

Мурманская область

▪ *фараоны (мешочники, мешочные глаза, лопари)* ‘жители с. Варзуга, Терский р-н’ (ср. также *Китай, Китай-город* — шуточные обозначения Варзуги): «Фараон — на колеснице, варзужанин — на поезднице <лодке>» [Меркурьев 1997: 13]; «Когда варзужанин поднимается по порогам с помощью шеста в лодке, это внешне напоминает изображение фараона, управляющего колесницей. Недаром сложена поговорка: “Варзужан — на поезднице (лодке), что фараон на колеснице”» [Кушков 2015: 80]; «Варзужан кличут фараонами, вероятно, потому что они всегда были богаты и зажиточны» [Мызников 2021: 528]; «В Варзуге фараоны жили. Ой, фараоны, скажем, мешочны глаза» [СРГК 6: 678]; «Наша Варзуга — самое богатое село. Все съезжались к нам на ярмарку. Вот и прозвали фараонами», «Фараонами звали варзужан, они жили за счёт сёмги очень богато», «С мешками всё ходили варзуга-те, варзугов “мешочники” звали и “фараоны”. Фараоны богатые были, в их лесах ещё Пётр Первый охотился», «Фараоны богатые, а в Кашкаранцах мякнники — бедные», «Варзужане в лесу живут, совсем по-другому, фараоне. Их и поморами не считали, звали лопарями», «Варзужане — это особая каста, кличка у них — фараоны. Она дана из-за особенности, по манерам, по разговору. Диалект у них какой-то свой был. Все живут по побережью, а они ушли туда, на реку. Варзужане с достоинством себя держали, человеческое достоинство у них сильное. Они и обособленно держались, особо в другие деревни замуж или жениться не ходили. Жениться на фараонке — это было очень круто на теперешнем языке. У нас мужик женился, дак вся деревня в Чапومه потом на нее ходила посмотреть» [АКТЭ].

Обзор приведенных мотивировок прозвища жителей Варзуги представлен в работе В. С. Кучко, где выделяются следующие смысловые доминанты:

— богатство: «...ключевой мотив номинации, который имеет серьезные фактические основания: село стоит на р. Варзуга — в нее, во-первых, ежегодно заходит нереститься одна из самых больших в мире популяций семги, что всегда было основным источником дохода варзужан, а во-вторых, в ней вплоть до XX в. добывали жемчуг (мальки семги были переносчиками моллюска жемчужницы). Таким образом, село действительно отличалось большим достатком. На этот факт, по-видимому, намекает и другое прозвище жителей Варзуги — *мешочники*» [Кучко 2021: 142];

— своенравие: «...этот мотив номинации можно считать добавочным, поддерживающим образ непохожего на остальных поморов соседа, держащегося

высокомерно и обособленно. Такому восприятию варзужан <...> способствовало их местоположение — не на самом берегу моря, а в 20 км выше по реке» [Кучко 2021: 142–143];

— древность поселения (одно из первых постоянных поселений на Терском берегу) [Там же].

Нижегородская область

▪ *фараоны* ‘рабочие на лесосплаве, Варнавинский у. (ныне Варнавинский р-н)’: «Здесь вместе с крестьянами из других селений образуется табор иногда до 150 человек. Такие лентяи, называемые “фараонами”, строят себе шалаши и ждут, пока какое судно сядет на мель. Конечно, владелец беляны <сплавной барки> спешит обратиться за помощью к фараонам: начинается разгрузка беляны, сидящей в воде до трёх с половиной аршин; беляна становится легче и проходит пережат; затем опять нагружают беляну. Фараоны получают по одному рублю каждый в день и угощаются водкой. Проводив беляну, наступает пьянство, безобразия, пока не сядет на мель другое судно. Опять начинается работа...» [РКЖБН 1: 66];

▪ *фараоны* ‘прозвище рабочих стекольных заводов, бытующее, в частности, в Поветлужье’ [ВС: 207–208]. В Нижегородской губернии было несколько старых стекольных заводов, в том числе в окрестностях Галибихи, Конево, Погарново и др.

Новгородская область

▪ *фараоны (мещанины)* ‘прозвище жителей д. Новый Скребель и д. Красота, Демянский р-н’: «Нашу деревню *мещанинами* называли и *фараонами*, завидовали, и до сих пор», «Красоцких <жителей д. Красота> мы называем *фараоны*, они всё берут в лесу, клюквы натопчут на болоте», «Мы всё их зовем *фараоны*. Как ни дружат, все равно обвесят» [Селигер 8: 6].

Мы сочли возможным внести коррективы в дефиницию, предложенную в словаре (‘прозвище жителей тех зажиточных деревень на Селигере, где не занимаются хлебопашеством’ [Там же]), поскольку она видится излишне широкой. Судя по контекстам, речь идет не обо всем Селигере, а только о двух деревнях, находящихся недалеко друг от друга (в Полновском с/с Демянского р-на).

Республика Карелия

▪ *фараоны (колдуны, шведы)* ‘жители д. Мандера (ныне Березовые Мосты), Прионежский р-н’ [Михайлова 2004: 195].

Л. П. Михайлова так комментирует это прозвище: «Думается, что не египетский царь имелся в виду, когда слово *фараон* стали применять к жителям

небольшой карельской деревушки. Скорее всего, здесь нашло отражение известное в просторечии *фараон*, которым презрительно называли полицейского. *Фараон* — неодобрительное прозвище. Выяснить, почему мандерцев прозвали *фараонами*, не удалось. Но любопытно, что у жителей этой деревни были и другие прозвища: они же *колдуны*, они же *шведы*. По рассказам, которые пришлось услышать в связи с этим, там жили зажиточные, богатые и недобрые люди» [Михайлова 2004: 195].

Рязанская область

▪ *фараоны (евреи, коняжие)* ‘жители с. Лихунино Касимовского у. (ныне Клепиковский р-н), работавшие на винном заводе’: «По рассказам, <...> здесь находился завод винный. Служащие на заводе были *евреи* (а может быть, и вообще иностранцы, которых так окрестило местное население). <...>. Одно из обществ с. Лихунина, бывшие государственные крестьяне, “*коняжие*”, т. е. княжеские, государственные. Как ближе жившие к заводу и, наверное, принимавшие участие в работе на заводе, сохранили за собой до сего времени название *евреев* и *фараонов*, как позорную кличку, которой они крайне недовольны»⁶ [Самоделова 2019: 229].

Саратовская область

▪ *фараон сухопутный* ‘о работнике стекольного завода’ (1918) [СРНГ 49: 58]. Более подробная информация об этом факте отсутствует, но он квалифицируется нами как прозвище, а не апеллатив, поскольку в анализируемом в этой статье антропонимическом материале есть несколько аналогичных фактов (более подробная аргументация будет приведена ниже). В Саратовской губернии существовали старые стекольные заводы, в том числе Хватовский.

Свердловская область

▪ *фараоны* ‘жители пос. Крылатовский, Ревдинский р-н’ [АКТЭ];
▪ *фарафоны* ‘жители д. Бучина, Алапаевский р-н’: «Буцинских у нас фарафонами прозвали: щёрные всё больше, как сыганы» [АКТЭ].

Смоленская область

▪ *фаравони* ‘фабричные, работающие на стеклянном заводе’ (1914) [Добровольский 1914: 950; СРНГ 49: 58]. Слово подано в словаре как факт апеллативной лексики, но нам представляется, что это единица прозвищной номинации (см. аргументацию ниже). Стекольные заводы существовали на Смоленщине

⁶Цитируется рукопись школьного работника С. С. Камышова (1923).

как минимум с XIX в. (ср. Екатерининский, Марьинский заводы и др.); исторически они связаны с заводами окрестностей Москвы [Синицына 2019: 99].

Тверская область

▪ *фараонитяне (египчане, чёртовы-наставные головы)*: ‘жители г. Торопец Псковской губ. (в настоящее время — центр Торопецкого р-на Тверской обл.)’: «...торопчане прославились особенным лукавством и большою страстью к обманам, за что их прозвали “чёртовы-наставные головы” и “фараонитяне”» [Зеленин 1905: 75; Воронцова 2011: 342].

Завершив представление коллективных прозвищ, затронем вопрос о других разрядах прозвищной номинации. Семейные прозвища нам не встретились, а индивидуальные очень немногочисленны (в нашей коллекции четыре факта): *Фараон* ‘житель д. Валдокурье, Пинежский р-н Архангельской обл.’ [АКТЭ], *Фараон* ‘житель Архангельской обл.’: «Рыбак по прозвищу Фараон, который знал много сказок и былин» [Черепанова 1983: 96], *Фараон* ‘житель с. Молчаново, Большеболдинский р-н Нижегородской обл.’: «Бригадир он у нас. Всегда на лошади ездит, как фараон на колеснице. Обижатся» [Климкова, Гузнова 2022: 341], *Фараон* ‘житель с. Озерки, Сараевский р-н Рязанской обл., в роду которого были полицейские’ [Самоделова 2019: 258]. Разумеется, столь малое количество фиксаций во многом определяется недостаточностью сбора материала. Кроме того, прозвище *Фараон*, несомненно, отмечается в иных социолингвистических стратах, чем наш материал, т. е. за пределами народной традиции (преимущественно крестьянского именника): так, автору статьи известно два прозвища *Фараон*, называющих учителей истории в городских школах Екатеринбургa и Москвы. Но если говорить о традиционном антропонимиконе, то в нем соотношение коллективных и индивидуальных прозвищ от основы *фараон*- весьма наглядно. Так, в [АКТЭ] на 16 293 фиксации индивидуальных и семейных прозвищ приходится одна «фараонская» номинация, а на 3 333 фиксации коллективных прозвищ — 19 таких номинаций (в долевым отношении практически в сто раз больше).

Мотивы, организующие семантическое пространство, связанное с «фараонскими» антропонимами

Выявляя основные мотивы, организующие семантическое пространство, стоящее за приведенными выше антропонимами, мы ориентируемся на иллюстративные контексты, на системные связи имен (семантические микро-системы наименований смежных объектов, лексические варианты имени),

локализацию объектов номинации и др. Разумеется, принимается во внимание характер информации, содержащейся в контексте: во многих случаях она вторична, должна быть учтена как мотивационная возможность, а не реальный мотив данной конкретной номинации. Отсекаются лишь такие контекстные показания, которые описывают единичные ситуации (как правило, заведомо выдуманные), ср.: «В Унже луковники, фараоны. Они всю жизнь выращивали лук и отправляли его даже в Египет», «Из Фараонии приехал <кто-то из них>». При выделении мотивационных линий в ономастическом пространстве мы ищем подтверждения и развития им в нарицательной лексике, фольклоре, книжной традиции. Порядок подачи мотивационных доминант определяется, во-первых, частотностью реализации мотива, во-вторых, смысловой близостью мотивов, их связью между собой.

Рассмотрим их последовательно.

Водная стихия: море, река, озеро; затопление → водные демоны

Мотив водной стихии напрямую указан в комментариях к «фараонскому» прозвищу жителей с. Холуй (ныне Южский р-н Ивановской обл.). Одно объяснение апеллирует к разливам р. Теза, якобы напоминающим разливы Нила; второе представлено в замечательной легенде, повторяющей ветхозаветный сюжет: крестьянам, стремившимся поселиться на берегах Тезы, соседи (возглавляемые неким Мосеем) предрекли судьбу фараонова войска.

Косвенную реализацию мотива водной стихии можно усмотреть в тех прозвищах, которые называют коллективы людей, живущих у реки или моря. Этот мотив может эксплицироваться в контекстах типа «У самого озера жили», «Фараоны жили на реке, как в Фараонии» (о жителях г. Галич и с. Унжа в Костромской области), в указании на плавание сельчан на лодках (жители с. Варзуга на Терском берегу Белого моря), в параллелизме имен *фараоны* и *водохлёбы* (жители д. Кеврола на Пинеге). Когда такой экспликации нет, мы тем не менее можем установить факт наличия реки, озера или моря по местоположению того населенного пункта, жители которого являются объектом прозвищной номинации. Во многих случаях гидрообъект обнаруживается:

- Архангельская обл.: д. Борисовская — р. Пуя; д. Чудиново — р. Пинега; куст д. Тордокса — р. Тордокса, оз. Воже; д. Кимжа — р. Кимжа; д. Нименьга — р. Нименьга; д. Красная Гора — оз. Красное (недалеко Двинская губа Белого моря); дд. Белоусово, Наволок — р. Устья;
- Вологодская обл.: д. Нижняя — р. Вожега; д. Наволок — р. Кихть; пос. Кузино — р. Малая Северная Двина; с. Лоха — р. Юг;
- Кировская обл.: д. Герасимово — р. Кумужваш;

- Костромская обл.: д. Тренино — р. Погорелица; дд. Федорково и Высоково — р. Шача, р. Волга;
- Новгородская обл.: д. Новый Скребель — оз. Селигер;
- Свердловская обл.: д. Бучина — р. Нейва; пос. Крылатовский — р. Кунгурка;
- Тверская обл.: г. Торопец — р. Торопа.

Разумеется, это не значит, что в каждом из этих случаев близость к воде послужила реальным мотивом номинации. Такой вариант более правдоподобен для тех ситуаций, когда перед нами крупный гидрообъект, во многом определяющий образ жизни населения: к примеру, *фараонами* могли назвать жителей куста д. Тордокса (на берегу р. Тордокса, впадающей с востока в огромное оз. Воже), живших преимущественно рыбалкой, — но невозможно говорить об этом уверенно. Однако мы знаем, что ономастическая мотивация носит принципиально вероятностный характер, и приведенных фактов достаточно, чтобы говорить о релевантности «водного» мотива номинации для изучаемой группы имен.

Говоря об истоках рассматриваемого мотива, вернемся к ветхозаветному прецеденту: только он может объяснить связку «фараон — вода» (ясно, что мотивировка «река X разливается, подобно Нилу» является позднейшей). Точнее, нас интересует не сам прецедент, а условия и обстоятельства его трансляции / трансформации, ведь далеко не все значимые ветхозаветные сюжеты оставили след в русской крестьянской традиции.

Разумеется, логичнее всего предположить, что знакомство носителя традиционной культуры с сюжетом потопления войска фараона могло произойти при посещении церкви. Этот сюжет был представлен в иконописи и храмовой живописи⁷, в практике богослужений⁸ и др. Помимо этих источников информации, транслировавших непосредственно (конечно, очень фрагментарно и со своими акцентами) ветхозаветный сюжет, были другие источники, кото-

⁷ Так, в знаменитой церкви Спаса на Городу в Ярославле есть фреска «Гибель войск фараона» («Фараон, всплеснув в отчаянии руками, погружается в золоченой колеснице в пучину вод, испуганные кони рывком пытаются выплыть на поверхность» [РИРЖ: 357]). Аналогичные сюжеты можно встретить в росписи Богоявленского собора в Елохове, Благовещенского собора в Сольвычегодске и др.; в Семигородней Успенской пустыни в Вологодской области был двойной ковчег с мозаичным воплощением сцены потопления фараона.

⁸ Сюжет гибели фараонова войска отражен в ирмосах первой песни канона ряда праздников, первых ирмосах взрослого и младенческого чинов погребения и др., а эти инициальные строки всегда на слуху во время богослужения, ср.: «Яко по суху пешешествовав Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше...», «Колесницегонителя фараона погрузи, чудотворяй иногда, / Моисейский жезл, крестообразно поразив и разделив море...» и др.

рые передавали существенно трансформированную, переработанную версию, встраивавшую сюжет в принимающую фольклорную традицию, приспособливавшую его к логике этой традиции. Речь идет о мифопоэтическом образе фараона и родственных образах в русской (и отчасти инославянской) фольклорной и языковой традиции. Этот образ отражен, в первую очередь, в этиологических сказках и легендах, а также в лексике, обозначающей демонических существ. Об этом есть обширная литература [см., например: Белова 2000; 2002; Белова, Кабакова 2014: 74–76; 2019; Власова 2008: 508–510; Киселев 2003: 45–46; Кузнецова 2012; Померанцева 1975: 77–79; Раденкович 2008: 100; Черепанова 1983: 94–97; 1996: 187–188; 2005: 109–116], библиография вопроса наиболее полно представлена в [Белова, Кабакова 2019; Кузнецова 2012; Черепанова 2005]. Эта тема очень велика, поэтому, отсылая читателя к названной литературе, процитируем обобщающую статью О. В. Беловой и Г. И. Кабаковой: «“Фараоны” — персонажи низшей мифологии славян, пришедшие в устную традицию из апокрифического “Сказания о переходе Чермного моря”. Моисей, выводя евреев из Египта, проклиная преследователей-египтян или осеняет их крестным знаменем, и, захваченные водой, они превращаются в “фараонов”. Их представляют в облике полулюдей, полурыб (рус. влад., смол.; укр. подол., киев.) или в виде одноглазых людоедов (рус. смол.), маленьких людей, кошек или рыб (сев.-рус.). “Фараоны” населяют моря и океаны, реке реки, отсюда их другие названия: *морськи люды* (Подкарпатье, Подолия), *вадзяные люди* (блр. гомел.), *водяные* (рус. ряз.). <...> “Фараонов” могут сблизать и с русалками (рус. Киров., русские в Эстонии, астрах.; блр. гродн.)» [Белова, Кабакова 2019: 413–414]; в этот ряд важно поставить хорв. *faraunovi ljudi* ‘водные демоны’ [Раденкович 2008: 100]⁹.

В качестве иллюстративной этиологической легенды приведем текст этнографа И. И. Железнова, записанный у уральских казаков и цитируемый сравнительно редко: «В ину пору корабль плывет, хоша и по облаковенной воде, но зато по сторонам-то его бесперечь выныривают чудовища: от головы до пояса — человек, а от пояса до головы — соминый плеск. Вынырнет это чудовище, встряхнет зелеными длинными волосами, индо брызги на версту летят, да и закричит глухим хриплым голосом: “Фараон!” Это фараоны

⁹Надо сказать, что описываемые мифопоэтические представления могли так далеко уйти от ветхозаветных аллюзий, что связи утрачивались даже в сознании образованных людей, в том числе этнографов, ср. построения М. А. Дикарева относительно происхождения *фараонов-русалок*: «... нимфы, покровительницы пахоты, называются у малоросов “русалками” и “фараонамы”, “фарыйонамы”, “фаляронамы”, или “войском фараона”, от *фарáω* ‘орать, пахать’» [Дикарев 1899: 47].

воины, что за Мысеим гнались, да потонули. В ину пору эти самыя чудовища, их тоже зовут фараонами, ухватятся за корабль ручищами, словно граблями, да и спрашивают: “Когда Осподь с судом сойдет?” — “Завтра” ильбо “после завтра”, скажут им с корабля, чтобы только отвязаться <...> Им, вишь, узаконено жить в море до преставленья света. Тогда, вишь, их и рассудят с царем фараоном: из-за него ведь погибли и сделались получеловеками. Это море так и прозывается: Фараонское море» [Железнов 1910: 55–56]¹⁰.

Образ водяных «фараонских» существ представлен не только в фольклорном коде символического языка народной культуры, но и в изобразительном (и отражающем его лексическом), ср. *фараон*, *фараонка* — изображения (как правило, резные деревянные) человеческих существ с рыбьими хвостами; «обычно *фараонкой* завершается орнаментальная композиция на концах лобовой доски; она держит в руках либо конечный завиток акантовой ветви, либо рыбу или змею» [Бломквист 1956: 377]. Эти изображения обнаруживаются в Нижегородской, Костромской, Владимирской областях, ср. влад. «Такие изображения фараонов крестьяне в старину часто вырезывали на “перьях (досках)”, украшавших кровли домов; разные изображения эти в д. Федорковой Вязниковского у. и ныне зовутся фараоны» [Завойко 1914: 102], нижегор. «У меня мужик фараонк всё на налишниках вырезал» [Балова 1999: 52]¹¹. Еще один лексический след анализируемых верований — имена животных, связанных с водой: лягушки назывались *фараонами* и *фараоновым войском* (влад. «По народной вере, это <лягушки> — такие древние люди, как фараоново войско, потопленное Израильским Богом в пучинах Чермного моря, оно не погибло телесно; оно лишь “обратилось в лягушек”. Посему некоторые из крестьян Вязниковского уезда лягушек называют просто “фараоны” или

¹⁰ Отметим, что «фараононь» сюжеты представлены и в текстах других фольклорных жанров — не только в ожидаемых в связи с этим духовных стихах («<Осип Прекрасный (Иосиф)> Увы, увы, моя матушка Рахилия! / Возьми, мати, меня к себе во гроб: / Не могу служить царю я Харавону, / Не умею я тяжкой работы работати» (Петрозаводский и Повенецкий у.) [НДС: 59]), но и в загадках (*Замок водян, ключ деревян, заяц ушел, ловец потонул* <Черное море, жезл Моисея, народ его, Фараон> [Даль ПРН 1: 25]), пословицах (*Фараон гордился — и в море утонулся, а мы гордимся — куда годимся?* [Бурцев 1902: 341], *Иуда удавился, Фараон утонулся* [Симони 1899: 110]), заговорах (нижегор. «...идут они сухим берегом, подходят они к синему морю, идут они синим морем как посуху, проходили они во Израильскую землю, к тому царю Фараону, проходили они во Израильския горы» <чтоб водились пчелы> [НЗ: 53]), быличках (прикам. «Еще отец был маленьким, с ним такое было: русалки на деревьях будто бы сидели и чесали волосы. Сидят и кричат: “Фараон!” Не заманивают, а кричат они к плохой погоде. А Фараон — это дьявол какой-то, идет против бога» [Шумов 1991: 43]) и др.

¹¹ Фиксируется в нижегородской лексике и мифоним *фараонка*, но он, как пишет К. Е. Корепова, лишь «проскользнул» в речевом потоке [МРНП: 308].

“фараоново войско”» [Завойко 1914: 102]), а тюлени¹² — *фараоновой силой* и *фараоновым войском* (арх., новг.) [Бернштам 2009: 180; Власова 2008: 342].

Встает вопрос о том, какова география описываемых фактов. О. А. Черепанова отмечает особую «сохранность образа и наименования именно на Северо-Западе, <что> можно связать с влиянием новгородского “Сказания о знамении от иконы Пресвятой Богородицы”, сделавшегося впоследствии достоянием “всей земли русской”. В нем говорится о победе новгородцев под предводительством Романа Мстиславича, сына киевского великого князя Мстислава Изяславича, над войском Андрея Боголюбского, пришедшим брать с двинян дань: “Якоже и лютый онъ Фараонъ многими ранами отъ Бога Моисеемъ наказуемъ, никакоже преста отъ прежняго злаго и звѣрскаго своего начинания, дондеже богоотступнымъ гнѣвомъ потоплень бысть; такоже и сей князь Андрей никакоже преста, но гнѣвомъ дыша посылаетъ сына своего со всѣмъ воинствомъ суждальския земли” <...>. Эмоционально-метафорическое использование образа фараона в старой русской литературе не редкость. Но в данном случае развернутый параллелизм библейского злодея-фараона и врага Новгородско-Псковской земли Андрея Боголюбского, связь с памятными для этих мест историческими событиями могли способствовать стабилизации мифологического образа в указанном регионе» [Черепанова 1983: 97]. Из коллекции наших примеров видно, что география шире (ср. также данные в специальном исследовании В. С. Кузнецовой [2012]), и это должно быть темой отдельной работы.

Инородцы, мифические чужаки

В семантико-мотивационном пространстве, связанном с анализируемыми коллективными прозвищами, весьма определенно звучат мотивы инородчества, особенно «цыганства». Этот мотив иногда обозначен эксплицитно («Бущинских у нас фарафонами прозвали: щѣрные всё больше, как сыганы»), иногда — имплицитно (ср. приводившееся выше описание ленивых рабочих на лесосплаве, сидящих «табором» у лесных заторов: «Здесь вместе с крестьянами из других селений образуется табор иногда до 150 человек. Такие лентяи, называемые “фараонами”, строят себе шалаши и ждут, пока какое судно сядет на мель»). Мотив поддерживается и за пределами коллективных прозвищ — во вторичных этнонимах, ср. этническую кличку *фараоны* (смол., пск., ленингр., арх.) с дефиницией ‘прозвище цыган’, которая приводится

¹² «Среди поморов существовало предание о том, что морские звери происходят от “фараонова войска”, погибшего в море; при этом зверобои указывали на форму плечевой части тюленя, которая при растяжке как бы образует человеческие руки, называемые катары» [Бернштам 2009: 180].

в [СРНГ 49: 59]: «Цыгане, полагая, что они происхождения от египтян, называют себя фараонами» (смол.), «Фараоны — так зовут цыган» (ленингр.). Если учесть распространенный стереотип, становится ясно, почему *фараоны* отмечаются и как ‘прозвище молдаван’ (бессараб.) [Там же], ср.: «...воры, цыгане-конокрады и “фараоны” — самое позорное из бранных прозвищ для молдаванина» [Яцимирский 1896: 59]. География, приводимая в [СРНГ 49: 59], явно может быть расширена, ср. хотя бы свидетельство из Богучарского уезда Воронежской губернии: «...цыгане — остатки Фараоновой армии, потопленной в Черном море. Потому цыган зовут фараонами, — хотя, впрочем, прозвище это употребляется в смысле шутки или презрения. Цыгане не так обижаются за название “фараон”, как за попреки родством с остальной частью фараоновой армии, члены которой, по уверению богучарцев, живут теперь на дне моря и часто, всплывая на поверхность воды, ужасным и жалобным голосом у кого-то спрашивают: “Чи скоро кінець світу?”» [Ткачев 1867: 177].

Вообще с квалификацией этого факта как диалектного можно поспорить. Думается, более корректно поступил Н. И. Епишкин, предлагая в своем «Историческом словаре галлицизмов русского языка» для *фараон* ‘цыган’ пометы «разг., шутол., устар.» [Епишкин 2010: *фараон*], ср. контексты из художественной литературы: «Все кругом так и ахнули, фараоны даже петь перестали, и глаза у них от жадности блестят» <А. И. Куприн>; «Цыгане, по словам Араса, оказывается, что не просто так себе фараоны, как их звали московские купцы, а есть цыгане-люди, те, которые у нас в России лошадей продают, и есть цыгане-боги, те, которые песни поют» <К. А. Коровин> и др. Фиксируются в литературном языке и просторечии и другие родственные образования, ср. *фараоново племя* ‘цыгане’¹³, *фараонка* ‘цыганка’¹⁴ [Михельсон 1912: 937], *фараонит* ‘цыган’, *фараонита* ‘цыганка’¹⁵, а также более грубое выражение *фараоново отродье* (к примеру, в реплике Петрушки из пьесы народного театра) [НТ: 255]. *Фараон* ‘цыган’ «отметился» даже в арго [Приемышева 2: 658].

¹³ Например: «Маша вполголоса заговорила с матерью, показывая ей серьги. Фараоново племя — вон! — крикнул Псищев. Вон, чтобы и не пахло!» <Вас. И. Немирович-Данченко>; «Фараоново племя ходит следом и смотрит в глаза: подари да подари...» <А. В. Амфитеатров>; «Явилось, фараоново племя, — сказал бужетчик, — хотите, посмотрите, какие они, может, и не годятся» <А. С. Грин> и др.

¹⁴ Например: «Ах, я помню, но ужасно / Вспоминать лукавый сон; / Фараонка, не напрасно / Тяготит мне душу он» <А. И. Полежаев> [Михельсон 1912: 937].

¹⁵ Например: «Дорогою встречались нам интересные крестьянки в изорванных сарафанах, как толпа фараонитов, с граблями на плечах и с громкими звуками национальных песен, сладостных в своей дикости...» <О. М. Сомов>; «Василью Львовичу пение Надежды Осиповны напомнило хрипчатое пение цыганок, смуглых фараонит, а не песни милых женщин, но, впрочем, очень понравилось» <Ю. Н. Тынянов>.

Образования с этим корнем могли принадлежать не только разговорно-сниженной речи, но и высокому стилю: так, А. С. Шишков при моделировании своих знаменитых параллелей «старого и нового слога» использовал пару *цыганка / фараонита* («Деревенским девкам навстречу идут цыганки», «Пестрые толпы сельских оред сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит») [цит. по: Тынянов 1926: 97–98].

Перейдем к мотивологической стороне вопроса. Стоит вспомнить, что в разных европейских языках отмечается тесная связь между обозначениями Египта и цыган, т. е. «египетская» / «фараонская» мотивация названия цыган: тур. *farawni*, венг. *fáraó*, англ. *gypsy*, фр. *egyptien*, исп. *gitano* ‘египтянин’, макед. диал. *agynmi*, *gynци* ‘египтяне’ и др. Она объясняется тем, что одна из зон, где, по преданию, кочевали цыгане (территория Сирии, Ливана и Кипра), называлась *Малый Египет*.

«Цыганскому» компоненту семантики, думается, обязаны своим появлением такие производные, как рус. одесск. *фараонить* ‘воровать’: «Фараонят в селе часто», кубан. *фараончик* ‘жулик, мошенник, обманывающий людей на территории порта’ (1916) [СРНГ 49: 59]. Аналогичное поведение приписывается прозвищным *фараонам*, ср., к примеру, указание на «особенное лукавство и большую страсть к обманам», наличествующие якобы у жителей Торопца.

Помимо «цыганского эпизода», прозвищные *фараоны* обнаруживают и иные «инородческие» ассоциации, которые не сводятся к каким-то конкретным образам. Речь идет о «заморскости» («В Нименьге жили фараоны. Одевались по-французски, ездили в Норвегию, обратно привозили заморские вещи») или о негативно оцениваемой обобщенной «чуждости», проявляемой в параллелизме прозвищ *фараоны / шведы* (жители д. Березовые Мосты в Карелии), *фараоны / евреи* (жители д. Лихунино в Рязанской области), *фараоны / лопари* (жители беломорской Варзуги, которую зовут еще *Китаем*), а также в наличии семантических микросистем смежных названий — *фараоны / зырь* («Народ зырь прозывается в Кузнецове, а в Наволоке — фараоны»). На периферии этого ассоциативного поля указания на «не нашу речь» *фараонов*, их вымирание («Фараоны какие-то были за рекой, да вывелись, передохли»), — а это очень важно для представлений об инородцах на Русском Севере, в Поволжье и ряде других регионов, где распространены образы мифических «вымерших» народов — *чуди*, *панов* и др. (контекст о *фараонах*, которые «передохли», как раз записан на Вологодско-Костромском пограничье), см. также рубрику **Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание**. Более того, на основе описанного семантического «субстрата» А. Л. Шилов предлагает свою этимологию прозвища *фараоны* на Русском Севере: «иноязычное

слово с отрицательной коннотацией (в частности, семой чуждости) и неясной внутренней формой было адаптировано фонетически к известному (хотя и экзотичному для Русского Севера) слову *фараон* (ср. типологически с образом панов — чужаков, первопоселенцев). <...> Исходным же “чудским” словом видится какое-то из производных (или вариантов) приб.-фин. *vieras* ‘чужой, не свой, иного рода’, ср. фин. *vieras*, вариант *vierainen*, ливв. *vieraz*, род. п. *vierahan*, вепс. *veraz*, род. п. *verhan*» [Шилов 2008: 26]. Системный сбор «фараонского» материала, представленный в этой статье, обнаруживает сомнительность этой версии, но само появление ее симптоматично.

В заключение стоит вспомнить, что народное сознание может демонизировать инородцев, превращая их в мифологических персонажей. Не избежали этой участи и *фараоны*, ср. костр. *фараоты* ‘мифическое германское племя, представители которого имеют туловище лошади, а голову обезьяны’: «Фараоты, по представлению крестьян, германское племя, живет в болотах и озерах; тулово лошадиное, задние ноги с копытами, передних нет, голова обезьянья» [СРНГ 49: 59]. Яркой иллюстрацией к положению о демонизации *фараонов-инородцев* служит следующая легенда о «египетских цыганах», превратившихся морских животных-людоедов: смол. «Ягипитскіи цыгани гнались за жидами, каторыхъ изъ Ягипта Маисей увадилъ. Жида узышли на моря, вада разступилась пирядь ими и идуть яны по суху; цыгани услѣдъ за жидами. Маисей якъ пирахстить жазломъ, такъ цыгани и патонють. И таперь тыи цыгани живы у води, тольки на палавину на людей пахожи: голывы и руки у ихъ челавѣчьи, па аднаму глазу, а кара рыббя; яны людаѣды, ажидають свѣтапристаўленія и датуль жить будутъ. Якъ нинастя, цыгани давольны, што дажжокъ; якъ пагода, тады аны гаворють: — “Пупрашу свайго Фараона объ нинастю”. Такжа яны у Фараона спрашють: — “Ти скоро будить пристаўленія свѣта, Фараоня, Фараоня?” Ихъ ловють и пристаўляють ў чанахъ: на суши яны травать ни магутъ, патаму что полурыбы» [Добровольский СЭС 1: 147, № 82].

Колдовство

Мотив колдовства проявляется в параллелизме прозвищ *фараоны* и *колдуны* (по отношению к жителям карельской д. Березовые Мосты), в контексте к названию жителей Рыбной Слободы в Галиче («Говорят, среди фараонов этих колдуны были»). Этот мотив реализуется и в диалектной лексике, ср., к примеру, орл. *фараонка* ‘колдунья’: «Фъраонкъ апячь калдуит», ‘мешочек с ладаном, с талисманом или с записочкой, содержащей заговор, молитву и т. п., который носят на груди; ладанка’ [СОГ 16: 143]. Представления о колдовстве естественным образом связаны с восприятием *фараонов* как мифологических персонажей и/или инородцев (особенно цыган).

Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание

В ряде прозвищных контекстов звучит мотив давнего времени — и в абсолютном, и в относительном измерении: «Давно поселились там», «Мы их называем фараоны, потому что они возникли раньше нас», «Нименьжана раньше заселились». Косвенное проявление этого же мотива — указание на представленность *фараонов* многими поколениями, династиями («Коренные местные жители, поколениями живущие в Унже, с гордостью называют себя “фараонами”»; ср. также «фараонские» прозвища потомственных стеклоделов). Логическим продолжением мотива давнего времени служит мотив искоренения, вымирания: «Фараоны какие-то были за рекой, да вывелись, передохли». Разумеется, мотив давнего времени представлен и в нарицательной лексике — в литературном языке (ср. устойчивое сочетание *времена фараонов*¹⁶) и говорах (ср. томск. *фарамо́нска эра* [Гордеева и др. 1981: 140]).

Полицейские, военные ← преследователи, гонители

В ряде прозвищных мотивировочных контекстов отражены представления о связи *фараонов* с полицейскими или военными: «Воевали дак, называли фараонами», «Один из них в армии и в полиции служил», «Эту деревню ещё называли Фараоны, так как многие жители, высокие очень, служили в гренадерских войсках». Наиболее определенно эта связь прослеживается в «фараонском» прозвище, которое носили первокурсники Александровского военного училища в Москве (см. выше). Разумеется, полицейский ассоциируется с преследователем, «конкретизирует» представления о преследователе, поэтому к указанной смысловой группе можно отнести контексты, описывающие *фараонов* (в данном случае жителей с. Унжа в Макарьевском районе Костромской области) как гонителей преп. Макария Желтоводского, который будто бы и дал им это имя.

Производным от «военно-полицейского» мотива можно считать и признак драчливости («Дрались по деревням. <...> Почему они фараоны? <...> Туда не появись — изуродуют, сюда приедут — здесь будут драки»), агрессивности («Всё братаны двоюродные — и друг на друга крысились, фараонами их звали»); ср. в нарицательной лексике: селигер. *фараон* ‘об озорном подростке’: «Бабушка на нас скажет “фармазон”, “фараон”: мало ли там мы, дети, чудим, ругаемся, между собой дерёмся» [Селигер 8: 6].

«Полицейская» семантика *фараона* широко известна, в третьем издании словаря В. И. Даля ей соответствует дефиниция ‘*простонар. проzv.*

¹⁶Ср.: «Жаль, что во времена фараонов водотрубные котлы “Фицнер и Гампер” еще не были известны» <Р. Э. Классон>.

полицейский, городской' [Даль 4: 1132]¹⁷. Во второй половине XIX в. *фараон* 'городовой; полицейский; будочник' отмечается как факт не только просторечия, но и арго [Приемышева 2: 46, 160, 426–427, 434]. В советское время (особенно в первые десятилетия, но не только) *фараон* и производные эстафетно стали ассоциироваться с милицией (и тем, что «рядом», — сыском, охраной): жарг. (арго) *фараон* 'начальник милиции, руководящий работник органов внутренних дел', 'работник милиции, сыска', 'сторож (вооруженный)', *фараоново племя* 'служащие милиции', *фараонить* 'работать в милиции или на милицию', 'выслеживать, охранять, шпионить', *фараонка* 'отделение милиции, милицейская машина, милиция' [Козловский 3: 128; Бурик, Шелестюк 1979: 210, 363; Грачев 2003: 950–951; Елистратов 2000: 496; ЯСМ: 538] и т. п. Это слово и его «периферия» обильно представлены в художественной литературе второй половины XIX — начала XX в.¹⁸; именно оно используется, к примеру, для перевода на русский язык названия рассказа О'Генри «The Cop and the Anthem» — «Фараон и хорал» (пара англ. жарг. *cop* — рус. *фараон* лишний раз подчеркивает социолингвистическую привязку обоих слов).

Что касается смежной «военной» семантики, то она представлена тоже арготическим (жаргонным) значением 'солдат', которое фиксируется, кажется, только у С. В. Максимова [2010: 546]. М. А. Грачев переформулировал данную фиксацию в виде 'полицейский солдат' [Грачев 2003: 950–951] — и это, думается, более точно.

Вероятно, анализируемая группа значений появилась на основе смысловых компонентов 'мучитель', 'тот, кто взимает поборы', 'преследователь'¹⁹, которые обязаны своим происхождением ветхозаветному образу фараона и фараонова войска: «Так спокойно и величаво изводить людей, как он беспрестанно делал на веку своем, не всякий может.

¹⁷Интересно, что в более ранних изданиях словаря Даля нет не только формулировки этого значения, но и вообще статьи «Фараон». Однако анализируемое значение было известно великому лексикографу: *фараон* упоминается в ряду *городовой*, *будочник* в статьях «Байка» и «Мазурик».

¹⁸«Когда его шаги затихают на лестнице и хлопает за ним парадная дверь, Эмма Эдуардовна фыркает носом и говорит презрительно: “Фараон! Хочет и здесь и там взять деньги...”» <А. И. Куприн>; «На петербургских вокзалах и других местах скопления извозчиков “фараон”, наметив чересчур строптивого нарушителя, старается вразумить его без большого скандала, не устраивая публичного зрелища» <К. М. Станюкович>, «Фараон триклятуший, и побалакать не даст, — того и гляди “под шары” угодишь, а там и “к дяде”!» <Вл. А. Гиляровский>; «Если уйдем сквозь этот лаз все трое, — подумал он, — фараоны сейчас же погонятся за нами, побегут и вдогон, и наперерез, тут нам и — шабаш: схватают всех троих...» <А. В. Амфитеатров>; «Появились еще двое городских, потревоженные свистком своего товарища. Ишь, фараоново войско! — не без иронии пробурчал себе сквозь зубы Лука Летучий» <В. В. Крестовский> и т. п.

¹⁹Ср. гурьев. «Шёл Моисей, дошёл до моря, за нём шли враги, фараоновы люди» [СРНГ 49: 59].

Воплощенный Ассур, Сарданапал и Фараон» <П. В. Анненков>; «И мучительство фараоново, говорит малорусская летопись, — ничего не значит против ляшского тиранства» <Н. И. Костомаров>; «По его <возницы> словам, фараоны — удивительно драчливые и придирчивые господа. Они теснили возниц и облагали их податью, так называемой “фараоновой”. Чтобы иметь право стоять около храмов и других зданий, по словам моего возницы, основательно знакомого, как видно, с историей извозного дела при фараонах, надо было уплачивать дань фараону, иначе стоять нельзя было; в случае нарушения этих правил ни одна часть тела не была гарантирована от искомования» <К. М. Станюкович> и т. п. Соответствующие метафорические значения есть в разных культурно-языковых традициях, для которых важен ветхозаветный текст, ср., к примеру, англ. *pharaoh* ‘используется образно как наименование тирана или надсмотрщика’ [OED 11: 661]. Можно найти характерные контексты, где «овеществлен» переход ‘мучитель’ → ‘жандарм («ундер»)’, например: «Жил вблизи, от нас по соседству, такой мучитель-гонитель, настоящий фараон, ундер четвертого околотка, Иван Петров Утриносов. Очень уж он, аспид, доедал всякими закорючками: тут грязно, там санитарности нет, — так и норовит из кармана, где полтинник, а где и целковый на санитарность протоколами выудить» <А. А. Богданов>.

Некоторые популярные интернет-ресурсы предлагают (без ссылок на доказательную литературу) различные версии, согласно которым *фараоны* ‘жандармы’ обязаны этим названием деталям внешнего вида: специфическому головному убору, отсылающему к египетскому немесу или какому-либо другому головному убору фараона; «дубинке», напоминающей некое «орудие», с которым иногда изображали фараонов; наконец, неподвижной позе стоящего на посту полицейского, ассоциирующегося с египетской мумией. Думается, все эти версии несостоятельны — хотя бы по причине их множественности. Если названные детали и сыграли какую-то роль в появлении «жандармских» мотивов, то явно вторичную. Нет оснований также полагать, что *фараон* ‘полицейский’ — заимствование (например, из американского варианта английского языка): поиск в самых крупных словарях английского языка (в том числе словарях сленга) не позволяет обнаружить этимон; наоборот, в американском интернет-пространстве проскальзывает версия о русском заимствовании²⁰.

²⁰Ср.: «Использование термина “фараон” в качестве жаргонного обозначения полицейского не является распространенным или широко документированным явлением в истории США. Наиболее прямая ассоциация “фараона” с полицией, по-видимому, имеет свои истоки в другой культуре. Распространенное объяснение использования этого термина в других частях мира, особенно в России в позднюю царскую эпоху, заключается в том, что городские полицейские неподвижно и безэмоционально стояли на своих постах, подобно мумиям, в то время как город суетился вокруг

Богатство, зажиточность → «барство», лень

Мотив богатства, состоятельности, зажиточности, приписываемых *фараонам*, безусловно, является одним из актуальных и понятных для современного культурно-языкового сознания, ср.: «Фараонами звали варзужан, они жили за счёт сёмги очень богато», «Фараоны, потому что обеспеченные», «Там жили зажиточные, богатые и недобрые люди» и т. п. Этот мотив поддерживается и диалектной лексикой, ср., к примеру, орл. *фара́нка* ‘состоятельная, зажиточная женщина’: «Фъраонка. Багатъ живёт», «Ана фъраонкъ, багачка», *фара́н* ‘о важном, влиятельном человеке’: «Васькъ большой фъраон» [СОГ 16: 143]. Мотив богатства → «барства» закономерно порождает в крестьянской среде мотив лени, что отражается, к примеру, в новг. *фара́н* ‘о лентяе’: «Фараон — лентяй, барин» [СРНГ 49: 59]. Это свойство приписывается и «прозвищным» *фараонам*, ср. характеристику варнавинских рабочих на лесосплаве: «Такие лентяи, называемые “фараонами”, строят себе шалаши и ждут, пока какое судно сядет на мель». Как следует из приведенных выше контекстов, в глазах крестьян-номинаторов любые соседи, не занимающиеся или мало занимающиеся сельским хозяйством (т. е. нерегламентированной физической работой), могут выглядеть лентяями (или, по крайней мере, сибаритами): таковы рабочие-стекольщики, работники винного завода, иконописцы, рыбаки и даже те, кто «больше обычного» занимается собирательством («Красоцких мы называем *фараоны*, они всё берут в лесу, клюквы натопчут на болоте»).

Связь со стекольным производством

Имя *фараоны* как прозвище рабочих стекольных заводов зафиксировано во Владимирской, Московской, Нижегородской, Саратовской, Смоленской областях. Стоит предполагать, что перед нами именно проприальное слово, а не апеллятив, поскольку пока не обнаружено словарных данных и контекстов, подтверждающих, что любой рабочий-стеклодел назывался *фараоном*. Эти прозвища отчасти связаны по происхождению — и можно говорить о фактах переноса имен, что релевантно в первую очередь для трех (как минимум) прозвищ, отмеченных в бывшей Владимирской губернии (Мещера): ‘стекольные мастера в поселении при Анопинском заводе, Судогодский у. (ныне р-н)’, ‘стекольные мастера завода купцов Голубевых, г. Судогда’,

них. Это привело к тому, что люди стали называть их “фараонами”. Хотя в Соединенных Штатах существует множество жаргонных словечек для обозначения полицейских, таких как “коп”, “свинья”, “жара” и “5-0”, “фараон” не входит в число исторически или широко используемых. Термин “фараон” в полицейском контексте — это скорее этимологический курьез из другой культуры, чем признанная часть истории американского сленга [Gemini].

‘семьи потомственных стеклоделов пос. Мишеронь, Покровский у. Владимирской губ. (ныне г. Мишеронский, Шатурский р-н Московской обл.)’. Заводы создавались на территории Мещеры в XVIII–XIX вв. по примеру заводов династии Мальцовых, при этом мастера могли переезжать с завода на завод (зачастую их «переманивали») [Белов 2015; Сеницына 2019: 99]. Номинативную преемственность можно предположить и для смоленского имени *фараоны*: дело в том, что на Смоленщину (в числе других мест) заводчики Мальцовы переносили свои заводы из окрестностей Москвы²¹ [Сеницына 2019: 99]. Вопрос о том, какова почва для эстафеты имени *фараоны* (как обозначения стеклоделов) в Саратовскую и Нижегородскую губернии, слишком сложен для нас и требует специальных разысканий в области истории промышленности (к тому же мы вряд ли владеем всей информацией о «стекольных» *фараонах* в России, их имена просто могли быть не зафиксированы), но решение этого вопроса не имеет существенного значения для нашего исследования (хоть и было бы небезынтересно). Основное ясно: *фараоны* — нередкое прозвище для различных территориальных групп русских стеклоделов; появляться это имя могло с XVIII в.; в некоторых случаях было перенесенным.

Важнее вопрос о мотивации — и здесь обнаруживается любопытное обстоятельство: стекольные *фараоны* имеют, по всей видимости, самостоятельную мотивационную линию, выделяющую их из остального тезоименного «фараонского сообщества». Мотивировка связана, думается, с обстоятельствами культурной истории: Древний Египет был знаменит своим стеклоделием, считается его колыбелью. Разумеется, археологи могут внести коррективы в это утверждение, говоря о находках стеклянных изделий и в других мировых центрах, но существование историко-культурного стереотипа, утверждающего египетский приоритет, бесспорно, как и факт употребления в Египте стекла еще в первой половине III тыс. до н. э. (ср., к примеру, находки глазурованных стеклом фаянсовых плиток для внутренних облицовок погребального сооружения фараона Джессера [Качалов 1959: 42]); подробнее о стеклоделии в Египте см. [Там же: 42–60]. Стоит учесть и то, что русские стеклоделы интересовались египетским стеклом. Так, один из самых известных представителей «стеклянной империи» Мальцовых, Юрий Степанович Нечаев-Мальцов, имел знаменитую египетскую коллекцию, переданную им в Музей изящных искусств в Москве.

²¹ Это происходит после указа Сената 1747 г., запрещающего размещать стекольные производства в радиусе 200 верст от Москвы.

Повозка (колесница)

Атрибутом «фараонского сценария» признается колесница. Ярче всего этот мотив проявляется в контекстах к прозвищу жителей поморского села Варзуга: «Когда варзужанин поднимается по порогам с помощью шеста в лодке, это внешне напоминает изображение фараона, управляющего колесницей. Недаром сложена поговорка: “Варзужан — на поезднице (лодке), что фараон на колеснице”». Непременной деталью езды на повозке носителям традиции видится кнут (*понюжálка* [КСГРС]), потому *фараоны* из другой поморской деревни — Красной Горы — имеют параллельное прозвище *понюжáлочники*: «Наверно, с понюжалками ездили, почту возили».

Специфический головной убор

Этот мотив является центральным в образе московских шляпников: «Шляпники или шляпочники в Москве назывались фараонами за фантастический головной убор, состоящий из надетых одна в другую шляп или шляпок» [Епишкин 2010: *фараон*]. В шляпах (особенно женских) ценится разнообразие форм, и в этом плане трудно представить более подходящий образ, чем образ фараонов, у которых были, как отмечают исторические описания, разные варианты корон причудливых форм, предписанные церемониалом для конкретных случаев²² (не говоря о специфическом платке — немесе).

Карточная игра

Одно из объяснений прозвища *фараоны*, приложимого к жителям вологодской д. Нижняя, — «От карточной игры». Это объяснение наверняка является вторичным, но стоит пояснить, что речь идет об игре в *фараона* (*банк*) [Вахитов 2006: 171–172]. Судя по контекстам в [НКРЯ], эта игра была очень популярна в XVIII–XIX вв.; самый известный контекст (с метафорой на основе карточного термина) принадлежит А. С. Пушкину: «И постепенно в усыпленье / И чувств и дум впадает он, / А перед ним Воображенье / Свой

²²Указываются, в частности, такие варианты: белая корона Верхнего Египта (*хеджет*), напоминающая по форме кеглю или бутылку; красная корона Нижнего Египта (*деширет*), которая представляла собой усеченный перевернутый конус с плоским днищем и высокой приподнятой задней частью; двойная корона (*тиент*), сочетавшая в себе две первые и символизировавшая единство страны; синяя с красными лентами «боевая корона»; «корона Амона» из двух перьев с золотым диском между ними; двойная корона *атеф*, появившаяся после объединения Верхнего и Нижнего Египта; «тростниковая корона» (*хемхемет*) — сложное сооружение из золотых перьев, бараньих рогов, змеек и солнечных дисков и др. Все это дополнялось *уреем* — золотым изображением кобры, а иногда и золотой головой коршуна [Монтэ 2000: 266–267].

пестрый мечет фараон». Термин заимствован²³ из фр. *pharaon* ‘карточная игра’ (1691): «Игра названа по изображению фараона в качестве карточного червового короля на французских картах, первоначально использовавшихся в этой игре» [Багриновский 2020: 974].

Общая негативная оценка

Прозвище *фараоны* нередко несет общую пейоративную оценку — как внешнюю, так и внутреннюю (со стороны самих объектов номинации), ср. квалификацию прозвища «как позорной клички, которой они <жители с. Лихунино в Рязанской обл.> крайне недовольны». Такого рода оценка обнаруживается и в нарицательной лексике, выливаясь в бранные употребления интересующего нас слова, встречающиеся и в литературном языке («Даже глядеть на тебя жалко. Фараон фараоном — чистое наказание!» <А. П. Чехов>, «Всех вас, мерзавцев, в одной помойной яме надо утопить, — фараоны вы, мазурики, арапы!» <В. В. Вересаев>), и в говорах (карел. *фарао́н* ‘бранно’: «Вот наился, настоящий фармазон да фараон» [СРГК 6: 678], костр. *фарао́ты-мазу́ры* ‘бранное выражение’ [СРНГ 49: 59], селигер. «Бабушка Аксенья ругала нас: “фараоны”, “фармазоны”, “возьми вас лихорадка”» [Селигер 8: 6])²⁴. Оценка вырастает на основе ряда смысловых компонентов, выделенных выше, — «мучительство» → «связь с полицией», «инородство», «барство», «колдовство»; эти смыслы интерферируют и усиливают друг друга. Могут сыграть роль и формальные факторы: скажем, в бранных конструкциях на разных территориях (см. выше карельский и селигерский контексты) соседствуют *фараон* и *фармазон* (иногда еще и *фарисей*): эти слова не просто имеют звуковую близость, но и несут фонетическую экспрессию, накладывающуюся на смысловую.

Есть случай, когда за «фараонской» номинацией стоит не генерализованная бранная семантика, а конкретное значение, но тоже обнаруживающее сгущение негативной экспрессии, — ‘таракан’: влг. *фарао́н*, *фараво́н* ‘большой черный таракан’: «Сколько фаравоноу напоузло, их не выживешь. Фаравоноу-то звали прусские тараканы», «Стёпушки русские-те тараканы, а фараоны-те прусские» [КСГРС]. В этом значении учитываются смысловые компоненты появления во множестве, «враждебности», преследования и пр. [подробнее см.: Березович 2007: 426, 452–453].

²³ Соответствия есть в разных европейских языках; в словацких говорах у слова *faraon* ‘род азартной игры в карты’ отмечен характерный вариант *cigan* [Кралик 2006: 165].

²⁴ Ср. словац. диал. *farahún* с бранной семантикой [Кралик 2006: 166].

Возвращаясь к «фараонским» прозвищам, отметим, что общая негативная оценка может подпитываться также представлением об удаленном, обособленном проживании той или иной группы людей (что типично для любого коллективного прозвища, образованного от обозначения «чужих»).

Итоги. Вопрос о «старшей» мотивации и субъекте номинации

Итак, в семантико-мотивационном пространстве, стоящем за русским коллективным прозвищем *фараоны* (39 прозвищ в различных регионах), выявляются следующие мотивы и смысловые компоненты: ■ «Водная стихия: море, река, озеро; затопление → водные демоны»; ■ «Иногородцы, мифические чужаки»; ■ «Колдовство»; ■ «Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание»; ■ «Полицейские, военные ← преследователи, гонители»; ■ «Богатство, зажиточность → “барство”, лень»; ■ «Связь со стекольным производством»; ■ «Повозка (колесница)»; ■ «Специфический головной убор»; ■ «Карточная игра»; ■ «Общая негативная оценка».

Обнаруженные мотивы отсылают к прецедентному тексту Ветхого Завета (преследование фараоном и его воинством — фараонитами — евреев, потопление фараона и фараонитов), а также к эпизодам и деталям внетекстовой культурной истории, связанной с Древним Египтом. Эти детали иногда выделяются достаточно объективно (например, связь с производством стекла в Египте, специфический головной убор фараона), что не исключает, конечно, субъективизма номинативной интерпретации (безусловно, московские шляпники не ставили задачу точного воспроизведения корон египетских фараонов), но чаще перед нами легендарные преобразования исторических эпизодов (ср. представления о происхождении цыган из Египта). Есть ситуации, когда мотив можно считать как текстовым, так и внетекстовым (мотив богатства).

Как же происходит формирование мотивной базы отдельных антропонимов? Для ряда прозвищ мотивировка, кажется, устанавливается однозначно (в том понимании однозначности, которое присуще мотивации имен собственных). Это относится в первую очередь к именам, для которых можно предполагать первенство объективных предметных признаков (см. выше): «фараонским» обозначениям стеколделов Владимирской, Нижегородской, Саратовской, Смоленской губерний, а также московских продавцов шляп. В основу имени *фараоны* ‘первокурсники Александровского военного училища’ положено, вероятно, сопоставление первокурсников с низшими чинами военно-полицейской машины — городовыми, будочниками, что подчеркивается противопоставлением прозвищу старшекурсников — *обер-офицеры*. Но во всех остальных случаях однозначности нет: либо надо

предполагать комплекс признаков, допуская, что какой-то один несколько «сильнее» остальных (скажем, для имени жителей поморского с. Варзуга: высокий достаток + обособленное и удаленное место проживания + связь с водной стихией), либо в комплексе признаков ведущий не устанавливается (для имени жителей поморской д. Красная Гора: езда в повозках, напоминающих колесницы + связь с водной стихией), либо назвать два-три признака невозможно (за нехваткой информации) — и приходится предполагать множество вариантов. Более того, те прозвища, которые мы только что обозначили как мотивационно однозначные, могут иметь второе дно: так, хочется согласиться с краеведом Л. П. Беловым, предполагавшим, что для «фараонских» прозвищ стекольников важны признаки состоятельности рабочих (на фоне соседних крестьян), связи с водной стихией (стекольные заводы стояли на реках) [Белов 2015: 97–98].

Тот факт, что в этих попытках выбора мотивационной базы для отдельных имен нам часто приходится называть м о т и в в о д н о й с т и х и и, не случаен. Думается, что этот мотив, отсылающий к ветхозаветному прецеденту, играет роль пускового механизма, запустившего «фараонские» номинации в системе русских коллективных прозвищ. Иначе говоря, это «с т а р ш а я» м о т и в а ц и я, обусловившая появление всего комплекса имен (отдельные компоненты которого затем могут утратить с ней связь). Как было показано выше, практически все «крестьянские» (и некоторые «заводские») *фараоны* проживают у моря, реки, озера. Это характеристика объекта номинации, а кто же был ее субъектом? Можно ли предположить, в какой среде чаще возникали «фараонские» номинации?

Логично думать, что это среда, где ветхозаветные сюжеты имели наибольшую сохранность и актуальность. На этом этапе рассуждений стоит вспомнить о с т а р о о б р я д ч е с к о й среде, которую мы не раз упоминали при подаче прозвищ, но не привлекали пока к рассмотрению связанный с ней дискурс. Во-первых, встречаются примеры соотносительности *фараонов* и обозначений старообрядцев: в Верхнетоемском районе Архангельской области рядом с *фараонами* проживали *кержаки*; в Покровском уезде Владимирской губернии — *кулугуры* (см. выше). Во-вторых, при описании особенностей денотативной отнесенности прозвищ, контекста, в котором они функционируют, мы приводили свидетельства источников о том, что среди стекольников Подмосковья (три прозвища) было много старообрядцев (а поскольку стекольщики переезжали с места на место, то, возможно, этот фактор релевантен для наследующих традиции московского стеклоделия мастеров Смоленщины и др.). Развивая эту тему, отметим, что г е о г р а ф и я «фараонских» прозвищ соотносима с географией русского старообрядчества.

Еще раз приведем перечень регионов, где встретились прозвищные *фараоны*: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Рязанская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тверская области, Республика Карелия. По данным [ПЭ 3: 483; 9: 62–63, 269; 16: 135–144; 31: 74–77; 35: 48–50; 38: 338–339; 49: 283–289; 51: 460–462; 57: 435–437; 60: 709–712; 61: 624–629; 64: 475–476; 66: 116–117]²⁵, это зоны расселения старообрядцев (в большинстве своем лидирующие по количеству последних), особенно беспоповцев — и такой значимой их ветви, как *поморцы*. Поморцы не могут не интересовать нас особо, ведь самое большое скопление *фараонов* наблюдается именно в тех местах, где они первоначально селились (десять прозвищ в Архангельской области, одно — в Карелии, одно — в Мурманской области)²⁶ и куда в дальнейшем продвигались (это можно показать на примере Костромской области, где фиксируется шесть прозвищных *фараонов*, отмеченных на территории бывших Макарьевского, Юрьевецкого, Галичского, Буйского уездов, т. е. там, где расселились костромские поморцы [Наградов 2008: 85]).

Одной из зон проживания поморцев была Нижегородская область. В фольклоре нижегородских старообрядцев поморского согласия (Тонкинский р-н) записан следующий чрезвычайно интересный для нас текст: «Бежал Моисей с нашими, то есть с христианами, от фараона по пустыне. Долго шли. А Моисей уже руку держать не может. Так её двое поддерживают, чтоб не упала. Дошли до берега моря и не знают, что делать. А Господь ангела Моисею послал. Тот и говорит: “Перекрести море”. Моисей послушался и перекрестил море. Вода и разошлась в разные стороны. А фараон с войском уже нагоняет. Побежали Моисей с нашими через море. И вот когда уже почти все вышли на другой берег, то последнего из наших фараон почти догнал. Море снова сошлось. Нашего-то на берег выбросило, а фараон и всё его войско утонули. Так Моисей расселился по берегу моря. Поэтому мы и зовёмся *поморцами* <выделено нами. — Е. Б.>» [СФНО: 116–117, № 46]²⁷.

²⁵Приведена пагинация статей в «Православной энциклопедии», посвященных конфессиональной ситуации в отдельных областях страны, а также некоторым старообрядческим согласиям.

²⁶Внутри этого «сгущения» *фараонов* выделяется собственно «беломорское» сгущение с общеизвестным старообрядческим прошлым (центры — Соловки и Выг), а также «пинезско-тоемско-устьянское» — в бассейнах рр. Пинега, Верхняя Тойма и Устья. Это территория Пинежского уезда Архангельской губернии, ср. свидетельство П. С. Ефименко: «Раскол развился в Пинежском уезде более, чем где-либо в Архангельской губернии. <...> К расколу расположены почти все жители Пинежского уезда» [Ефименко 1877: 211].

²⁷Вообще сюжет о Моисее, ведущем свой народ через море, популярен в нижегородском старообрядческом фольклоре [СФНО: 42, 47, 99, 116–117; и др.].

Аналогичный текст записан у старообрядцев Амурской области: «Моисей, старичок, вывел из моря этот войск, к морю, вот это, в нёбо крикнул: “Как я через море?” А ему Бох ответил, что “прэкрести кресным знаменем этот, море”. Он с костылем был. Он пэрэкрестил, и мост состроился. Вот оне через этый мост перевели п о м о р ц е в <выделено нами. — Е. Б.>. А <...> фараоны какие-то, оне все утонули. Оне неправедные» [СФДА: 81].

По свидетельству канд. ист. наук С. А. Белобородова (устное сообщение), подобная мотивация названия *поморцы* («принадлежат к “своему” народу, который Моисей расселил у моря») встречается также у представителей поморского согласия в Ижевске и Верхней Туре (1990-е гг.).

Этот эпизод весьма показателен, но, конечно, не является решающим в рассмотрении вопроса о сохранности ветхозаветных сюжетов в старообрядческой среде. Главная причина — высокий уровень богослужебной грамотности старообрядцев, бóльшая сохранность в их среде библейских сюжетов в силу общего религиозного консерватизма. Согласно формулировке канд. ист. наук, протоиерея П. И. Мангилева (устное сообщение), старообрядцы знакомились с Ветхим Заветом непосредственно (через паремии, отрывки, которые читаются за богослужением) и опосредованно (через богослужебные песнопения, где ветхозаветные образы и символика весьма активны). Стоит добавить, что определенную роль сыграла апокрифическая литература, фольклор старообрядцев²⁸, транслирующий среди прочих те верования, которые не связаны напрямую со Священным Писанием²⁹.

Внимание старообрядцев к образу фараона имеет, как представляется, и дополнительную мотивацию. Дело в том, что «центральное место во взглядах беспоповцев занимает учение об А н т и х р и с т е <выделено нами. — Е. Б.>. Большинство представителей этого течения в старообрядчестве проповедует воцарение духовного Антихриста, трактуемого ими как совокупность разнообразных ересей, проникших в русскую церковь» [ПЭ 4: 702]. Антихрист имел разные ипостаси, и одной из них был *фараон*, ср. в текстах старообрядцев: «... сила Христова креста не от чувственного токмо Фараона избави и избавляет, но от мысленного Фараона, глаголю дьявола, и бесов его» <протопоп Аввакум> [МИР: 275]; «Фараон же мучитель — той же бе антихрист, но и преобразует самага Князя Тьмы, погруженный в Чермнем мори» <К. Васильев> [Дутчак 2007: 244]; «Моисей есть мысль, Фараон — дьявол,

²⁸Помимо прозаических жанров, образ фараона упоминался и в поэтическом фольклоре, ср. текст из среды поморян-беглоповцев: «Фараон — детоубийца, / Ирод — злобный кровопийца, / Трех легчае сотворили, / Мужеск пол один убили» [ДСС: 113].

²⁹К примеру, по сообщению П. И. Мангилева, представления о русалках = фараонах существуют у старообрядцев поморского согласия в Курганской области.

море — мир» <С. Гулин> [Кальнев 1911: 71]; «Лишистесь бодрого вожда, аки втораго Моисея, не чрезь море Чермное, но чрезь многоволнующееся волнами напастными настоящее мира сего море безбѣдно руководящаго, не фараона бѣжати чювственнаго, но мысленнаго вселютѣйшаго фараона дьявола премудро гонзати учащаго...» <Д. Матвеев> [Юхименко 2002: 182, 429]; «О, премудра, преблагая / Чиста, девственна душа / <...> /, Об всех верных просила, / Трубой в небо прогласила, / А мысленна фараона / В синем море потопила» <из песни «сектантов-мистиков»> [ПРСМ: 526] и т. п.³⁰ Конечно, Антихрист фигурирует не только в текстах старообрядцев, но и в сочинениях православных христиан, не придерживавшихся старой веры; мы говорим лишь об особой роли его в старообрядческом дискурсе.

Фараон = дьявол мог отождествляться с патриархом Никоном (тогда его слуги, фараониты, понимались как преследовавшие старообрядцев никониане³¹), с русским царем³² и др. Понимание *фараона* как дьявола сложилось задолго до раскола³³, но старообрядческая среда стала наиболее благодарной восприимницей такой трактовки.

Разумеется, сказанное ни в коем случае нельзя абсолютизировать, поскольку ветхозаветная образность была известна и вне старообрядческой традиции. Не следует видеть жесткую зависимость между фактом наличия на какой-либо территории антропонима *фараоны* и присутствием поблизости (в качестве субъектов номинации) староверов (особенно поморцев). Но все-таки география прозвищ и их семантико-мотивационная специфика делают вполне релевантной версию о том, что для «фараонских» прозвищ старообрядцы могли быть наиболее активными субъектами

³⁰Кстати, показательно, что в легендах о фараонах как мифических водных существах подчеркивается тема конца света, второго пришествия и т. п.: после второго пришествия у этих существ есть шанс снова принять свой человеческий облик [см. об этом: Кузнецова 2012: 10–11].

³¹Ср.: «Чюдно, батюшки, извол божий и попущение велиару нас дьявол видимый мучит, а вас душевныя и телесныя страсти, и везде фараониты» [Аввакум 1987: 353].

³²Ср.: «Помни всяк начало страшного суда божия, который вскоре внезапно падет на русского царя, якоже и тогда нечаянно пал на египетского царя Фараона <...> Вот почему я и смело указываю вам здесь ныне тот злейший фараонов пример — прямо на русского кровьями пьяного царя» <М. Рудометкин> [Клибанов 1965: 132].

³³«Этот традиционный штамп наблюдаем уже у Кирилла Туровского: “...они же оубо изъбывше телесные работы, понавляху празднующе день опрѣсночный; мы же владыкою спасени от работы мысленаго фараона дьявола, понавляем побѣдныи па враги день” (Кирилл Туровский. Слово на антипасху). В стиле “плетения словес”, связанном со вторым южнославянским влиянием, происходит упрочение этого традиционного штампа, расширение набора метафорических образов, возрастание степени их абстракции. Слово *фараон* выступает в ряду со словами *змий*, *дьявол* для обобщенного именованя греха, греховных помыслов, соблазна, дьявольского искушения. Так, в “Житии Иосифа Волоцкого”: “мысленаго змия побѣдити”, “потопил еси <...> фараона мысленаго”, “побѣди <...> мысленаго дьявола” [Черепанова 2005: 113–114].

н о м и н а ц и и, инициировавшими или поддерживавшими описываемую номинативную традицию.

Кто бы ни был субъектом, изучаемые имена изначально обозначали, по всей видимости, группы людей, связанных с водной стихией (живущих у реки, моря, озера, в подтапливаемых местах), отличающихся от соседей как местом проживания, так и образом жизни, и воспринимаемых с изрядной долей экспрессии, поскольку они ассоциируются с героями Ветхого Завета и/или сформировавшимися на основе этого текста мифическими персонажами. Когда прозвище оказалось «запущенным» в номинативное пространство (а это могло произойти, к примеру, в Беломорье и шире — где-то на Русском Севере), оно, разумеется, втянулось в мощную воронку разнообразных до- и переосмыслений, поскольку происходила сильнейшая интерференция образа из прецедентного текста и образа, складывавшегося во «внетекстовой» истории.

Важно отметить, что последняя стала доступнее для «широкого пользователя» в России с 1860-х гг.: после отмены крепостного права наблюдался рост грамотности населения, развитие различных форм обучения. Введение доступного всесословного образования (возникновение наряду с государственными земских, церковно-приходских, воскресных и частных школ) обеспечивало хотя бы начальное знакомство с историей, в том числе древнего мира (а значит, в «низовую» среду могли проникать знания, скажем, о стеклоделии в Египте или об одежде фараонов). Нельзя не учесть и того факта, что прозвища (особенно крестьянские) записывались преимущественно в XX в., комментировались теми, в чьем информационном поле могли оказаться новости об обнаружении гробниц фараонов (например, раскопки известнейшей гробницы Тутанхамона были осуществлены лишь в 1922 г.), которые не могли не повлиять на формирование комплекса представлений, стоящих за словом *фараон*. Поэтому в мотивационной истории *фараонов* произошло своеобразное переворачивание связей: ветхозаветные аллюзии деактуализировались в сознании носителей традиции, а на первый план вышли более ясные для современного сознания смысловые компоненты, соотносимые с реальной историей.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	ливв.	ливвиковское наречие карельского языка
астрах.	астраханские говоры русского языка	нижегор.	нижегородские говоры русского языка
бессараб.	русские говоры Бессарабии	новг.	новгородские говоры русского языка
вепс.	вепский язык	оdessк.	русские говоры Одессы
влад.	владимирские говоры русского языка	орл.	орловские говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	пенз.	пензенские говоры русского языка
гомел.	гомельские говоры белорусского языка	подол.	подольские говоры украинского языка
гродн.	гродненские говоры белорусского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
гурьев.	говор Гурьевского уезда Уральской губернии	прикам.	русские говоры Прикамья
карел.	русские говоры Карелии	пск.	псковские говоры русского языка
киев.	киевские говоры украинского языка	ряз.	рязанские говоры русского языка
киров.	русские говоры Кировской области	сарат.	саратовские говоры русского языка
костр.	костромские говоры русского языка	сев.-рус.	севернорусские говоры
кубан.	русские говоры бассейна р. Кубань	селигер.	русские говоры бассейна оз. Селигер
курс.	курские говоры русского языка	симб.	симбирские говоры русского языка
ленингр.	ленинградские говоры русского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
		томск.	томские говоры русского языка
Прочие			
жарг.	жаргонный	простонар.	простонародный
насм.	насмешливый	шутл.	шутливый
прозв.	прозвище	юнкер.	юнкерский

Источники

- Аввакум (Петров)*. Совет святым отцем преподобным // Красноречие Древней Руси. (XI–XVII вв.) / сост., вступ. ст., подгот. др.-рус. текстов и комм. Т. В. Черторицкой. М. : Советская Россия, 1987. С. 352–356.
- АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- АЛПБ — архив Л. П. Батыревой (Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя).
- Анищенко О. А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века. М. : ЭЛПИС, 2007.
- Бурик В. И., Шелестюк В. Г.* Жаргон преступников: Лексико-фразеологический словарь справочник. Киев : Ред.-изд. отдел МВД СССР, 1979.

- Бурцев А. Е. Обзор русского народного быта северного края: его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. Т. 1. СПб. : Тип. Брокгауз-Ефрон, 1902.
- Вахитов С. В. Карточная терминология и жаргон XIX века : словарь. 2-е изд., испр. и доп. Уфа : Вагант, 2006.
- Виноградов Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан (Костромской губернии). Петроград : Тип. Имп. АН, 1915.
- Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб. : Азбука-классика, 2008.
- Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
- ВС — Ветлужская сторона. Вып. 6 : Традиционный фольклор Варнавинского района Нижегородской области / под ред. А. В. Кулагиной. М. ; Варнавино : Вектор ТиС : Московия, 2005.
- Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арга. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. / под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.
- Даль ПРН — Пословицы русского народа : в 2 ч. / сб. В. Даля. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1879.
- Добровольский 1914 — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914.
- Добровольский СЭС — Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1891.
- ДСС — Два сектантских стихотворения о браке и безбрачии // Этнографическое обозрение. 1903. № 1. С. 113.
- Елистратов В. С. Словарь русского арга: Материалы 1980–1990 гг. М. : Русские словари, 2000.
- Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1 : Описание внешнего и внутреннего быта. М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877.
- Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1910.
- Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 81–178.
- Засухинпоздеев С. Старинные прозвища выйских деревень // Проза.ру : литературный портал. 2015. URL: <https://proza.ru/2015/02/18/2351> (дата обращения: 15.01.2026).
- КАОС — картотека «Архангельского областного словаря» (кабинет русской диалектологии кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета).
- Климкова Л. А., Гузнова А. В. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья : словарь. Ч. 2. Ульяновск : Зебра, 2022.
- Козловский — Собрание русских воровских словарей : в 4 т. / сост. В. Козловский. New York : Chalidze publications, 1983.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Кушков Н. Д. Топонимы возвышенного берега, а также личные имена, фамилии и прозвища терских поморов. Умба : Опимах, 2015.
- Максимов С. В. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2 : Сибирь и каторга : ч. 2–4. М. : Книговек, 2010.

- Меркурьев И. С.* Пословицы и поговорки Поморья. СПб. : [б. и.], 1997.
- Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний. СПб. : Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1912.
- МРНП — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб. : Тропа Троянова, 2007.
- МИР — Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. И. Субботина. Т. 5. М. : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1879.
- НДС — Народные духовные стихи / сост. Ф. М. Селиванов, А. В. Кулагина. М. : Рус. книга, 2004.
- НЗ — Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX вв.) / отв. ред. К. Е. Корепова. Н. Новгород : ННГУ, 1997.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>
- Новиков Е. А.* Этнографические заметки из села Унжа // Губернский дом : историко-краеведческий и литературный журнал. 2020. № 2 (119). С. 3–15.
- НТ — Народный театр / сост., вступ. ст., подгот. текстов и комм. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М. : Советская Россия, 1991.
- Примьшева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX в. : в 2 ч. СПб. : Нестор-История, 2009.
- ПРСМ — Песни русских сектантов-мистиков : сб. / сост. Т. С. Рождественский, М. И. Успенский. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1912.
- ПЭ — Православная энциклопедия / под общ. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексиса II ; патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000–. Т. 1–.
- РИРЖ — Святая Русь : большая энциклопедия русского народа. Русская икона и религиозная живопись : в 2 т. / гл. ред. О. А. Платонов. Т. 2 : Неувядаемый цвет – Я. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011.
- РКЖБН — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии / сост. И. И. Шангина, Е. Л. Мадлевская. СПб. : Деловая полиграфия, 2004.
- СБО — Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб. : Библия для всех, 2005.
- Селигер : материалы по русской диалектологии : словарь : в 8 вып. / под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003–2020.
- Сивков И.* Половодье в слободе Холуе Вязниковского уезда и народное предание о старике Седне и отчего холуяне называются фараонами // Владимирские губернские ведомости. 1874. № 15. С. 4–5.
- Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVIII–XIX столетий. СПб. : Тип. Имп. АН, 1899.
- СОГ — Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Ярославль ; Орел : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского : ОГПУ, 1989–. Вып. 1–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Стрельцова Е. П., Уланова А. Ю., Емец О. Ю., Стрельцов А. И.* Экспедиция в Вельский район Архангельской области // Живая старина. 2016. № 1. С. 49–51.
- СФДА — Слово : фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4 : Амурское старообрядчество. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск : АмГУ, 2006.

- СФНО — «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...»: Старообрядческий фольклор Нижегородской области / [сост. О. А. Савельева, Л. Н. Новикова] ; отв. ред. Г. В. Любимова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2001.
- Ткачев Г. Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866. Воронеж : Тип. Ворон. губ. правл., 1867. С. 159–232.
- Толстогузова В. Материал в группе «Яранский уезд. Эхо старины» // Одноклассники : социальная сеть. URL: <https://ok.ru/yaranskyue/topic/65234801333512>. Дата публикации: 06.08.2016
- ХЗФР — материалы группы «Холуй — земля фараонов и русалок» // ВКонтакте : социальная сеть. URL: <https://vk.com/zemlyafaraonov> (дата обращения: 10.01.2026).
- Церетели Т. Фараоны из Холуя // Газета «Культура». 05.12.2014. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/73101-faraony-iz-kholuya/> (дата обращения: 10.01.2026).
- Шумов К. Э. Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1991.
- ЯСМ — *Елистратов В. С.* Язык старой Москвы : лингвоэнциклопедический сл. : ок. 7000 слов и выражений. 2-е изд., испр. М. : АСТ : Астрель : Русские словари : Гранзиткнига, 2004.
- Яцимирский А. И. Разбойники Бессарабии в рассказах о них // Этнографическое обозрение. 1896. № 1. С. 54–90.

Исследования

- Багриновский Г. Ю. Большой этимологический словарь русского языка. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020.
- Балова Е. Ю. Демонологическая лексика в говорах правобережья Нижегородской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Арзамас. гос. пед. ин-т. Арзамас, 1999.
- Белов Л. П. «Калганники» и «Фараоны»: к истории прозвищ в поселениях при стекольных заводах подмосковной и владимирской Мещеры // Юго-восточное Подмосковье: история, культура, люди : материалы II межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения основателя музея в Егорьевске М. Н. Бардыгина (20 ноября 2014 г.) / сост. С. Э. Динер. Егорьевск : Егорьевск. ист.-худ. музей, 2015. С. 95–99.
- Белова О. В. Представление о монстрах и полулюдях в народной традиции славян // Миф в культуре: человек — не-человек / ред. Л. А. Софронова, Л. Н. Титова. М. : Индрик, 2000. С. 47–57.
- Белова О. В. Фараонки // Славянская мифология : энцикл. сл. / под ред. С. М. Толстой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Междунар. отношения, 2019. С. 480.
- Белова О. В. «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды. М. : Индрик, 2004.
- Белова, Кабакова 2014 — У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М. : ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2014.
- Белова О. В., Кабакова Г. И. «Фараоны» // Восточнославянские этимологические сказки и легенды : энцикл. слов. / под общ. ред. Г. И. Кабаковой. М. : Неолит, 2019. С. 413–414.
- Беляев В. В. История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Феодоровича. СПб. : И. М. Чумаков, 1907.
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М. : ОГИ, 2009.
- Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. / отв. ред. С. А. Токарев. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–460.

- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 52–69.
- Власова И. В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М. : ИЭА РАН, 2015.
- Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2002.
- Гордеева О. И., Озегович С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981.
- Дикарев М. А. Заметки по истории народной ботаники // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2. С. 19–53.
- Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007.
- Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Живая старина. 1905. Вып. 1. С. 57–75.
- Кальнев М. А. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса : Тип. Е. И. Фесенко, 1911.
- Качалов Н. Стекло. М. : Изд-во АН СССР, 1959.
- Киселев А. В. Формирование и развитие традиционных религиозных представлений русского населения Верхнего Поволжья в XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 2003.
- Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М. : Наука, 1965.
- Кралик Л. Из словацкой диалектной лексики: deethnonymica // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот / под ред. А. Ф. Журавлева. М. : Индрик, 2006. С. 461–468.
- Кузнецова В. С. О Моисее и «фараонах»: фольклорные и книжные версии сюжета // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 5–14.
- Кучко В. С. Фараоны, англичане и другие прозвища Терского берега // Ономастика Поволжья : материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля (Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.) / науч. ред. Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун. Оренбург : Оренб. книга, 2021. С. 140–146.
- Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. Петрозаводск : КГПУ, 2004.
- Монтэ П. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов / пер. с фр. ; науч. ред. О. В. Томашевич. М. : Молодая гвардия : Палимпсест, 2000.
- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
- Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021.
- Наградов И. С. Старообрядческий мир Костромской губернии (II четверть XIX — начало XX в.). Кострома : Авантитул, 2008.
- Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М. : Наука, 1975.
- Раденкович Л. Великаны, дикие и иные «чужие» люди // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2008. No. 20. S. 95–106.
- Самодолова Е. А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии : в 2 т. Рязань : Ряз. обл. науч.-метод. центр народного творчества, 2019. Т. 2.

- Синицына Л. В. Стекольные заводы Смоленщины в XIX–XXI веках // IV Всерос. конгресс фольклористов (Тула, 1–5 марта 2018 г.) : сб. науч. ст. : в 3 т. Т. 2 : Многообразии фольклорных традиций: история и современность / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М. : ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2019. С. 99–105.
- Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л. : Прибой, 1926.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.
- Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.
- Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове : исследования и очерки. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005.
- Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения, 1959.
- Шилов А. Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М. : Наука, техника, образование, 2008.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М. : Языки славянской культуры, 2002. Т. 1.
- OED — The Oxford English Dictionary. Vols. 1–20 / ed. by J. Simpson, E. Weiner. 2nd ed. Oxford ; New York : Clarendon Press : Oxford Univ. Press, 1989.

References

- Bagrinovsky, G. Yu. (2020). *Bol'shoi etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Comprehensive Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus.
- Balova, E. Yu. (1999). *Demonologicheskaja leksika v govorakh pravoberezh'ia Nizhegorodskoi oblasti* [Demonological Vocabulary in the Dialects of the Nizhny Novgorod Region (Right Bank of the Volga River)] (Doctoral dissertation). Arzamas State University, Arzamas.
- Belyaev, V. V. (1907). *Istoriia goroda Makar'eva na Unzhe i o prebyvanii v Makar'evskom monastyre tsaria Mikhaila Feodorovicha* [The History of the City of Makaryev and of the Stay of Tsar Michael I of Russia in the Makaryev Monastery]. St Petersburg: I. M. Chumakov.
- Belov, L. P. (2015). “Kalganniki” i “Faraony”: k istorii prozvizhch v poseleniiakh pri stekol'nykh zavodakh podmoskovnoi i vladimirskoi Meshchery [“Kalganniki” and “Faraony”: Towards the History of Nicknames in the Settlements near Glass Factories in the Area of Meshchera in the Moscow and Vladimir Regions]. In S. E. Diner (Ed.), *Iugo-vostochnoe Podmoskov'e: istoriia, kul'tura, liudi* [South-Eastern Part of the Moscow Region: History, Culture, People] (pp. 95–99). Egoryevsk: Egoryevsk History and Art Museum.
- Belova, O. V. (2000). Predstavlenie o monstrakh i poluljudiakh v narodnoi traditsii slavian [Monsters and Half-humans in the Popular Tradition of the Slavs]. In L. A. Sofronova, & L. N. Titova (Eds.), *Mif v kul'ture: chelovek — ne-chelovek* [Myth in Culture: Human — Non-Human] (pp. 47–57). Moscow: Indrik.
- Belova, O. V. (2004). “Narodnaia Bibliia”: *Vostochnoslavianskie etiologicheskie legendy* [Popular Bible: East-Slavic Etiological Legends]. Moscow: Indrik.
- Belova, O. V. (2019). Faraonki [Pharaohs]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Slavianskaia mifologija: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: An Encyclopedia] (2nd ed., p. 480). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Belova, O. V., & Kabakova, G. I. (2014). *U istokov mira: Russkie etiologicheskie skazki i legendy* [At the Origin of the World: Russian Etiological Fairy Tales and Legends]. Moscow: Forum; Neolit.
- Belova, O. V., & Kabakova, G. I. (2019). “Faraony” [“Pharaohs”]. In G. I. Kabakova (Ed.), *Vostochnoslavianskie etiologicheskie skazki i legendy: entsiklopedicheskii slovar'* [At the Origin

- of the World: Russian Etiological Fairy Tales and Legends: An Encyclopedia] (pp. 413–414). Moscow: Neolit.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura. Etnolingvistiicheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture. Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Bernshtam, T. A. (2009). *Narodnaia kul'tura Pomor'ia* [Popular Culture of Pomorye]. Moscow: OGI.
- Blomkvist, E. E. (1956). Krest'ianskie postroiki russkikh, ukrainsev i belorusov (poseleniia, zhilishcha i khoziaistvennye stroeniia) [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians, and Belarusians (Settlements, Dwellings, and Utility Structures)]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik. Ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukrainsev i belorusov v XIX — nachale XX v.* [East Slavic Ethnographic Collection. Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians, and Belarusians in the 19th — Early 20th Century] (pp. 3–460). Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskaiia leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- Cherepanova, O. A. (1996). *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa* [Mythological Tales and Legends of the Russian North]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Cherepanova, O. A. (2005). *Kul'turnaia pamiat' v drevnem i novom slove: issledovaniia i ocherki* [Cultural Memory in Old and New Words: Studies and Essays]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Chichagov, V. K. (1959). *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii (Voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vv.)* [From the History of Russian Given Names, Patronymics, and Surnames (Issues of Russian Historical Onomastics of the 15th–17th Centuries)]. Moscow: Gos. uch.-ped. izd-vo Min-va prosveshcheniia.
- Dikarev, M. A. (1899). *Zametki po istorii narodnoi botaniki* [Notes on the History of Folk Botany]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1–2, 19–53.
- Dutchak, E. E. (2007). *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodie": Adaptive Capacities of Taiga Communities of Old Believer Wanderers (Second Half of the 19th — Early 21st Century)]. Tomsk: Tomsk University Press.
- Gordeeva, O. I., Olegovich, S. I., Okholina, N. M., & Palagina, V. V. (1981). *Vtorichnye zaimstvovaniia v govorakh Srednego Priob'ia* [Secondary Borrowings in the Dialects of the Middle Ob Region]. Tomsk: Tomsk University Press.
- Kachalov, N. (1959). *Steklo* [Glass]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Kalnev, M. A. (1911). *Russkie sektanty, ikh uchenie, kul't i sposoby propagandy* [Russian Sectarians: Their Doctrine, Cult, and Methods of Propagation]. Odessa: Tip. E. I. Fesenko.
- Kiselev, A. V. (2003). *Formirovanie i razvitie traditsionnykh religioznykh predstavlenii russkogo naseleniia Verkhnego Povolzh'ia v XIX–XX vv.* [Formation and Development of Traditional Religious Beliefs of the Russian Population of the Upper Volga Region in the 19th–20th Centuries] (Doctoral dissertation), Yaroslavl State University.
- Klibanov, A. I. (1965). *Istoriia religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.)* [History of Religious Sectarianism in Russia (1860s — 1917)]. Moscow: Nauka.
- Kralik, L. (2006). *Iz slovatskoi dialektnoi leksiki: deethnonymica* [From Slovak Dialect Vocabulary: Deethnonymica]. In A. F. Zhuravlev (Ed.), *Ad fontes verborum. Issledovaniia po etimologii i istoricheskoi semantike. K 70-letiiu Zhanny Zhanovny Varbot* [Ad fontes verborum. Studies in Etymology and Historical Semantics. To the 70th Anniversary of Zhanna Zhanovna Varbot] (pp. 461–468). Moscow: Indrik.
- Kuchko, V. S. (2021). *Faraony, anglichane i drugie prozvischa Terskogo berega* [Pharaohs, Englishmen, and Other Nicknames of the Tersky Coast]. In E. N. Bekasova, & V. I. Suprun

- (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 140–146). Orenburg: Orenburgskaia kniga.
- Kuznetsova, V. S. (2012). O Moisee i “faraonakh”: fol’klornye i knizhnye versii siuzheta [On Moses and the “Pharaohs”: Folklore and Literary Versions of the Plot]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 4, 5–14.
- Mikhailova, L. P. (2004). *Istoriia kraia v narodnom slove. Russkie govory Karelii* [Regional History in Folk Speech: Russian Dialects of Karelia]. Petrozavodsk: KGPU.
- Montet, P. (2000). *Povsednevnaia zhizn’ egiptian vo vremena velikikh faraonov* [Everyday Life of the Egyptians in the Times of the Great Pharaohs]. Moscow: Molodaia gvardiia; Palimpsest.
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar’. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary: Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Myznikov, S. A. (2021). *Russkie govory Belomor’ia v kontekste etnoiazykovogo vzaimodeistviia: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Russian Dialects of the White Sea Region in the Context of Ethnolinguistic Interaction: A Comprehensive Study]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Nagradov, I. S. (2008). *Starobriadcheskii mir Kostromskoi gubernii (II chetvert’ XIX — nachalo XX v.)* [The Old Believer World of Kostroma Province (Second Quarter of the 19th — Early 20th Century)]. Kostroma: Avantitul.
- Pomerantseva, E. V. (1975). *Mifologicheskie personazhi v russkom fol’klоре* [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow: Nauka.
- Radenkovic, L. (2008). Velikany, dikie i inye “chuzhie” liudi [Giants, Wild and Other “Alien” People]. *Etnolingvistyka: Problemy jazyka i kultury*, 20, 95–106.
- Samodelova, E. A. (2019). *Obraz rebenka i materi v riazanskom fol’klоре i etnografii* [The Image of the Child and Mother in Ryazan Folklore and Ethnography] (Vol. 2). Ryazan: Ryazan Regional Scientific and Methodological Center of Folk Art.
- Shilov, A. L. (2008). *Materialy k slovari rannikh pribaltiisko-finskikh, chudskikh i saamskikh zaimstvovaniu russkogo iazyka* [Materials for a Dictionary of Early Baltic-Finnic, Chud, and Sami Borrowings in the Russian Language]. Moscow: Nauka, tekhnika, obrazovanie.
- Simpson, J., & Weiner, E. (Eds.). (1989). *The Oxford English Dictionary* (2nd ed., Vols. 1–20). Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.
- Sinitsyna, L. V. (2019). Stekol’nye zavody Smolenshchiny v XIX–XXI vekakh [Glass Factories of the Smolensk Region in the 19th–21st Centuries]. In V. E. Dobrovolskaya, & A. B. Ippolitova (Eds.), *IV Vserossiiskii kongress fol’kloristov (Tula, 1–5 marta 2018 g.): sbornik nauchnykh statei* [4th All-Russian Congress of Folklorists (Tula, 1–5 March 2018)] (Vol. 2, pp. 99–105). Moscow: GRDNT im. V. D. Polenova.
- Tynyanov, Yu. N. (1926). *Arkhaisty i novatory* [Archaists and Innovators]. Leningrad: Priboi.
- Vlasova, I. V. (2015). *Russkii Sever: istoriko-kul’turnoe razvitie i identichnost’ naseleniia* [The Russian North: Historical and Cultural Development and Population Identity]. Moscow: IEA RAN.
- Vorontsova, Yu. B. (2002). *Kollektivnye prozvishcha v russkikh govorakh* [Collective Nicknames in Russian Dialects] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Walter, H., & Mokienko, V. M. (2005). Russkie prozvishcha kak ob’ekt leksikografii [Russian Nicknames as an Object of Lexicography]. *Voprosy onomastiki*, 2, 52–69.
- Yukhimenko, E. M. (2002). *Iygovskaia starobriadcheskaia pustyn’: Dukhovnaia zhizn’ i literatura* [The Vyg Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature] (Vol. 1). Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury.
- Zelenin, D. K. (1905). Velikorusskie narodnye prislov’ia kak material dlia etnografii [Great Russian Folk Sayings as Material for Ethnography]. *Zhivaia starina*, 1, 57–75.